Информационно-аналитический журнал

современный Современный

№18 март 2013

Информационно-аналитический журнал

современный

№ 18 март 2013 г.

Свидетельство о регистрации ПИ 1 ФС77-41649 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 12 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Раджаб Сафаров (Главный редактор) Александр Проханов Сергей Бабурин Дмитрий Рюриков Виталий Третьяков Гейдар Джемаль Максим Шевченко Игорь Панкратенко (Шеф-редактор)

Адрес редакции 119049, Москва, Коровий вал, д. 7, стр. 1, оф. 6

В издании использованы фотоматериалы ИТАР-ТАСС, РИА Новости, РИА Иран.ру

Содержание

Иран и уран: переговоры в Алма-Ате безрезультатны, но перспективны	Доктрины и стратегии Запада по отношению к Ирану, части 1—3 Бехзад Каземи
СМИ Ирана: Путин —	Доктрины и стратегии Запада
архитектор новых российско-	по отношению к Ирану
иранских отношений5	(продолжение)
	Бехзад Каземи44
Иран и группа 5+1. Итоги7	
	«Истинные причины войны»
AIPAC и антииранские	Анатолий «Эль Мюрид»48
провокации Израиля11	
	Израиль все-таки нанесет
Шииты Бахрейна —	удар по Ирану?50
угнетенное большинство	
Антон Евстратов12	Треугольник Россия-Иран-
	Турция — кто лишний?
От «Арийского простора»	Юлия Савченко51
до Азербайджанского мифа.	
Часть 2: Персы	Визит Обамы в Израиль:
Гарник Асатрян19	Пересказанные тезисы53
Реализм группы «5+1»	Доктрины и стратегии Запада
на земле Абая	по отношению к Ирану
Хасан Кяраби28	Бехзад Каземи56
России нужно проснуться	Новый доклад
в вопросе о Сирии и Иране	разведсообщества США:
Финиан Каннингем32	От Ирана не исходит угроза
	Игорь Панкратенко58
Пожелания США и отклики	- -
Индии: «стратегический диалог»	Удастся ли Алиеву вступить
против Ирана в действии	в союз с Ираном
Михаил Агаджанян35	Станислав Тарасов64

Иран и уран: переговоры в Алма-Ате безрезультатны, но перспективны

Алма-Ате завершились переговоры между Ираном и «шестеркой», в которую входят Россия, США, Франция, Великобритания, Китай и Германия. Целью переговоров было урегулирование длительного конфликта вокруг ядерной программы Ирана. Исламскую Республику обвиняют в незаконном обогащении урана. Иран же настаивает на своем законном праве

на использование мирного атома, а также заявляет о намерении построить в ближайшие 25 лет до двадцати новых энергоблоков, что лишь добавляет ситуации нервозности.

Проблема вокруг ядерной программы уходит корнями в конфликт Ирана с Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ). Конфликт начался в 2002 году после того, как стало известно, что Иран построил несколько ядерных объектов, не поставив их под гарантии агентства. Кроме того, комиссарам МАГАТЭ стало известно о проведении опытов с расщепляющимися материалами в 1980-х годах. В связи с этим главы МИД Франции, Великобритании и Германии убеждают Иран подписать Дополнительное соглашение к Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). Тем не менее, парламент Ирана отказался ратифицировать соглашение, поэтому оно не вступило в силу. После этого начался длительный период переговоров, которые по сей день остаются безрезультатными, поскольку стороны придерживаются прямо противоположных установок.

МАГАТЭ в 2006 году передало ядерное досье Ирана в Совет Безопасности ООН, а в 2012 году опубликовало доклад, в котором резко раскритиковало действия Ирана, не допускающего инспекторов до некоторых из своих объектов. По словам директора МАГАТЭ Юкио Амано, «агентство не заявляет, что Иран обладает ядерным оружием, и никогда этого не заявляло». «Мы не говорили также о том, что Иран принял решение о создании ядерного оружия. Но мы сказали, что у нас есть информация о вовлеченности Ирана в деятельность по созданию ядерных взрывных устройств, поэтому мы хотим осмотреть все установки, которые занимаются обогащением топлива. Про некоторые установки мы можем сказать, что они служат мирным целям, а про другие — нет», — подчеркнул глава МАГАТЭ.

Двусмысленность ситуации заключается в том, что обогащение урана является для Ирана одной из тех национальных идей, которые разделяют не только и либералы, и консерваторы, но даже те, кто давно эмигрировали из страны. По словам официальных лиц Ирана, в Договоре о нераспростране-

нии не прописан запрет на разработку ядерного оружия, поэтому они могут заниматься обогащением в научных целях, не нарушая при этом никаких договоров.

Действительно, в статье 4 Договора о нераспространении прописано право каждой страны на мирный атом. Поэтому, если бы речь шла о любой другой стране, открытая в прошлом году при сотрудничестве с Россией АЭС и недавняя покупка центрифуг нового поколения никогда бы не вызвали столько шума. Но с Ираном случай особый. Чтобы прояснить ситуацию вокруг итогов алма-атинских переговоров, а также понять, какое будущее ждет иранскую ядерную программу, Вести. Ru попросили экспертов по вопросам ядерного нераспространения прокомментировать сложившуюся ситуацию.

Директор Центра энергетики и безопасности Антон Хлопков считает, что журналисты ждут слишком многого от одного раунда переговоров, которые длятся уже много лет:

«Проблема ядерной программы Ирана является важной составляющей взаимоотношений Тегерана и Вашингтона, но ее необходимо рассматривать в более широком контексте отношений двух стран в последние 30—40 лет. Именно поэтому говорить о том, как и когда эта проблема может быть урегулирована, очень сложно. Однако по результатам предварительных оценок встречи в Алма-Ате и исходя из событий ближайших месяцев в Тегеране и Вашингтоне можно говорить о нескольких позитивных моментах. Первый — это продолжительность последней встречи. Как правило, в данном формате, если сторонам нечего обсуждать, переговоры заканчиваются на первый же день. Тот факт, что они длились два дня, на мой взгляд, говорит о том, что им было, что обсуждать, а их намерение продолжать переговоры вселяет оптимизм, поскольку стороны, по крайней мере, не заявили о своей неспособности договориться.

Во-вторых, зафиксированы даты следующих встреч, несмотря на то, что в Иране приближаются выборы, что вносит свою лепту в ход переговоров. В июне в Иране состоятся президентские выборы, после которых Махмуд Ахмадинежад обязан, согласно Конституции, сложить с себя президентские полномочия. Проблемы переговоров последних восьми лет связаны, в том числе, и с фигурой иранского президента, с его заявлениями по Израилю и отрицанием Холокоста. Можно сказать, президент Ирана сделал все возможное, чтобы максимально усложнить процесс переговоров с иранскими дипломатами. С новым президентом связывают надежды, что атмосфера, фон для переговоров будет более позитивный. СК тому же это вполне укладывается в желание администрации Обамы выработать новый политический курс в отношении Ирана».

Кроме того, Хлопков считает громкие заявления Ирана о строительстве новых энергоблоков скорее элементом пропаганды, чем реальной вероятностью.

«Амбициозные планы Ирана о строительстве за 25 лет двадцати новых атомных нельзя отнести к разряду реалистичных планов. Значительная часть Ирана — сейсмически активная зона, к тому же, испытывающая дефицит водных ресурсов (а для охлаждения ядерных реакторов нужна вода) и при этом не обладающая необходимой транспортной инфраструктурой для широкомасштабного строительства АЭС (как, например, доставить корпус

реактора весом в 300 тонн через горы?). Мне кажется, максимально достижимая цифра — строительство трех—четырех новых энергоблоков в течении 25 лет. Руководство Ирана не ставит целью переход на ядерную энергию, их задача — диверсифицировать источники производства электроэнергии, а также инвестировать ресурсы в высокотехнологичную отрасль. Указанное количество атомных энергоблоков способно решить поставленную задачу», — отмечает Антон Хлопков.

Ведущий научный сотрудник Института проблем безопасности РАН, ответственный секретарь журнала «Международная безопасность» Алексей Фененко считает, что затягивание переговоров на руку не Ирану, а США.

«Главным отличием подходов «шестерки» и Ирана является очередность действий. В то время как Иран просит дать ему письменные гарантии безопасности или хотя бы в особом порядке закрепить его право на обогаще-

Главным отличием подходов «шестерки» и Ирана является очередность действий ние урана, в это время ему предлагается сначала остановить обогащение урана. На это он не может пойти, поскольку это будет означать не только репутационные издержки, но и станет прецедентом по ограничению ядерных мощностей страны извне. Напряженность на Ближнем Востоке выгодна для США, она позволяет еще больше укрепиться в Саудовской Аравии, ОАЭ и в Катаре, в так называемом «нефтяном сердце США». Но эскалация напряженности, а, особенно, ее перерастание

в войну американцам, конечно, невыгодна. Это выгодно, в первую очередь, Израилю, который обладает ядерным оружием сам», — поясняет Алексей Фененко.

«Дело в том, что в последние двадцать лет в мире, и, особенно, на Ближнем Востоке усиливаются подозрения, что США могут не поддержать Израиль в случае военного конфликта. Это подозрение фактически подтвердилось во время Ливанской войны 2006 года. Израилю нужен повод для того, чтобы вернуть себе поддержку Соединенных Штатов. И Иран для этой цели подходит идеально. При этом, повторюсь, США не заинтересованы в войне, тем более, что Иран будет обладать мощностями, достаточными для создания ядерного оружия не раньше, чем через 8—10 лет. А что касается переговоров, то продолжать их, безусловно, надо, и это все понимают. Все помнят случай с Северной Кореей в 2005 году — после того, как она вышла из переговоров, стало только хуже», — предупреждает ответственный секретарь журнала «Международная безопасность».

Как мы видим, ожидания прессы вокруг переговоров в Алма-Ате сильно завышены. Тем не менее, надежды терять не стоит, так как Иран неоднократно заявлял о своей готовности сотрудничать с МАГАТЭ, если агентство будет уважать его право на обогащение урана в мирных целях. Таким образом, переговоры будут продолжаться, но вопрос о сроках этого продолжения переговоров, как обычно, остается открытым.

СМИ Ирана: Путин — архитектор новых российско-иранских отношений

аиболее активно иранские обозреватели комментировали роль России в алматинских переговорах Ирана и «шестерки». Отмечен интерес и к таким темам, как цели и перспективы внешней политики России в Латинской Америке; возможность долгосрочного партнерства Ирана и

российских нефтегазовых компаний; заявление министра иностранных дел России Сергея Лаврова о необходимости начала переговоров по урегулированию палестино-израильского конфликта; готовность России к постоянному военному присутствию в Средиземном море; заявление российского МИД о возможном снятии некоторых санкций в отношении Ирана; непостоянство и патология российско-иранских отношений; визит Франсуа Олланда в Москву. Уделено внимание и такому частному вопросу, как предстоящее обновление гаража Президента РФ новыми представительскими лимузинами.

Магdom salari (25.02), публикуя текст обращения большинства депутатов иранского парламента к правительству США «с просьбой наладить сотрудничество и принять иранскую ядерную реальность», отмечает, что иранские парламентарии обосновывают свою просьбу ссылками на принципы, которыми в данном вопросе руководствуются Россия и Китай. Точка зрения РФ и КНР по иранскому ядерному вопросу, а именно солидарность двух стран с правом Ирана на мирный атом, приводится как одна из основных причин незыблемости иранской позиции.

Iranian Diplomacy (25.02), рассматривая роль России в переговорах Ирана и «шестерки», называет Москву «алматинским посредником». Учитывая предшествующие заявления российского МИД о необходимости изменения позиции Тегерана в переговорах с «шестеркой», иранский обозреватель отмечает посредническую роль России и ее заинтересованность в сотрудничестве с Западом по этому вопросу.

В развернутой статье под названием «Окончание идеологической вербовки, начало экономического партнерства» Iranian Diplomacy (25.02) рассматривает недавний визит премьер-министра РФ Дмитрия Медведева на Кубу. Анализируются цели и планы России в странах Латинской Америки, при этом подчеркивается, что экономическое сотрудничество России со странами этого региона неразрывно связано с ее геополитикой.

Большой резонанс в иранской прессе вызвало выдвижение Россией требований по поводу снятия санкций в отношении Ирана. Так Asr-е iran (26.02), отмечает, что, согласно заявлению заместителя министра иностранных дел РФ и главы российской делегации в Алмате Сергея Рябкова, основным требованием России к Ирану является то, что Иран должен доказать мирную направленность своей ядерной программы.

Таbnak (26.02), Iranian Diplomacy (26.02) и Arman (27.02) уделяют большое внимание заявлению министра иностранных дел РФ Лаврова о том, что предметом беспокойства России в Сирии является не Башар Асад, а сирийский народ. Иранские обозреватели также отмечают недавние заявления главы МИД РФ о роли сирийского президента в урегулировании конфликта.

Предметом пристального рассмотрения сразу двух иранских СМИ — Khabar (27.02) и Asr-е iran (27.02) — стали лимузины российского президента Владимира Путина. Иранские обозреватели, уделяя внимание спецзаказу Президента РФ на автомобиль российского производства для первого лица государства, отмечают непригодность уже разработанной на московском заводе ЗИЛ модели президентского авто. Особо подчеркнуто, что, несмотря на непростые требования, конкурс на создание новой машины привлек большое количество участников.

IRNA (27.02) прокомментировало выступление Путина на заседании руководящего состава Минобороны. Основной предмет комментариев — обвинение Путиным западных стран во главе с США в стремлении нарушить стратегический баланс ядерных сил сдерживания. Иранский обозреватель отмечает, что Путин достаточно жестко ставил вопрос о необходимости срочном порядке в течении 5 лет обновить основную часть вооружений российской армии.

Издание Tabnak (28.02) публикует развернутую статью под названием «Патология российско-иранских отношений в сфере безопасности». Иранский эксперт, анализируя все события в сфере российско-иранского сотрудничества, произошедшие в течение двух последних месяцев, уделяет внимание вопросам глобальной безопасности и позиции России по ядерной программе Ирана. Отмечается, что, с учетом ретроспективы, отношения двух стран можно характеризовать как весьма неровные. Это обусловлено прежде всего тем, что Россия строит отношениях с ИРИ на противоречивой основе. Так, ей необходимо соблюдать требования ДНЯО и одновременно выполнять обязательств по сооружению АЭС в Бушере. При этом на двусторонние отношения накладываются ограничения, связанные с деятельностью РФ в таких международных организациях, как ООН и МАГАТЭ. Автор подчеркивает, что в этом и заключается причина «патологии российско-иранских связей». Аналитик не удержался от экскурса в историю, напомнив, что во времена «прозападно настроенного Бориса Ельцина» Кремль не уделял достаточно внимания своему каспийскому соседу именно по причине противостояния ИРИ с Западом. Однако все резко переменилось после прихода к власти Путина в 2000 году.

Иран и группа 5+1. Итоги

ормально подводить итоги очередного раунда состоявшихся в Алма-Ате переговоров достаточно сложно. Фактически, как, впрочем, и предсказывалось, никаких «прорывов» на этих переговорах не произошло. Но странное дело — вопреки этому, договаривающиеся стороны и часть наблюдателей по итогам переговоров начали испытывать «осторожный оптимизм». Особенно присутствует это чувство в комментариях

тех, кого на Западе в вопросах отношений с Ираном можно отнести к «умеренным». А вот в отношении к итогам переговоров «ястребов», тех, кто уверен в военном характере иранской ядерной программы и рассматривает варианты силового ее прекращения, присутствует раздражение с долей истерии. Поэтому, есть смысл поговорить не столько о формальных итогах, а о политических тенденциях, изменении подходов, которые отчетливо проявились в Алма-Ате и будут определять ситуацию после нее.

Итоги алматинского раунда с формальных позиций

В определенном смысле, источником оптимизма являлась позиция иранской делегации. Иранцы еще раз подтвердили, что являются блестящими переговорщиками, а тактический рисунок их поведения в Алма-ате был безукоризненным. Планка первоначальных ожиданий от Ирана была установлена им столь низко, что даже его самые скромные реакции можно было интерпретировать как «серьезный шаг вперед». И тем самым Иран (ни на йоту не сдав своих позиций и даже не приложив к этому особых усилий) здорово «подыграл» западным участникам Группы 5+1, которым нужен был хоть какой-то прогресс на переговорах, а точнее — не столько прогресс, а демонстрация того, что они «управляют процессом» и способны влиять на Иран.

Ведь без этой демонстрации получается несколько неудобно — огромный политический и финансовый ресурс вбухан в принуждение Ирана к переговорному процессу, и вдруг получается, что эти усилия особо ни к чему не приводят: Иран не только не принимает требования Запада, но и навязывает свой рисунок дипломатической игры. В результате, предоставив Западу право инициативы, представители Исламской Республики добились того, что по сравнению со своей предыдущей позицией, Запад сегодня предлагает Ирану уже больше, а уступок от него требует несколько меньше. Причем, эти уступки в целом приемлемы и для Ирана.

Кроме того, изменилась интенсивность переговоров. Согласно достигнутым договоренностям, технические эксперты сторон встретятся в Стамбуле уже 18 марта, а 5 и 6-го апреля переговоры вновь будут продолжены в Казахстане. С чем придут стороны на новый раунд переговоров, что дал взаимный зондаж позиций в Алма-Ате и как сейчас выглядят позиции сторон? Представляется, что Запад будет стремиться к тому, чтобы иранская сторона приняла два предложения:

Во-первых, временно приостановить обогащение урана до 20% уровня на объекте «Фордо» (ранее Запад настаивал на полном закрытии этого объекта).

Во-вторых, в целом западные державы готовы признать право Исламской Республики на обогащение урана и готовы разрешить Ирану иметь определенное количество этого урана, обогащенного до 20-% уровня для исследовательских целей (ранее Запад требовал, чтобы Иран вывез из страны уран, обогащенный до этого уровня на международное хранение).

Со своей стороны Запад готов пойти на уступки по санкционному режиму, в первую очередь — снять ряд ограничений на финансовые операции с драгметаллами, разрешить приобретение лекарств и отменить ограничения на поставки запчастей для самолетов, эксплуатируемых иранскими гражданскими авиаперевозчиками.

Позиция Исламской Республики на предстоящих новых раундах будет укладываться в схему, которая следует из заявления, сделанного в Алма-Ате Саидом Джалили. Он дал понять, что Иран готов к компромиссу с международным сообществом по самому главному вопросу — вопросу обогащения урана. Принципиальным для иранской стороны здесь является признание права Исламской Республики на сам процесс обогащения, а «до 20%, до 5% — это другое дело», — сказал Джалили.

Вопрос же о Фордо станет предметом дискуссии. С одной стороны, как справедливо отметил Джалили, объект полностью находится под контролем МАГАТЭ, а раз так, то нет и формальных причин для его закрытия. С другой — иранская сторона в лице Джалили еще раз подтвердила неизменность своей позиции о том, что Иран готов обсуждать поставку топлива для ядерных реакторов из-за рубежа, соответственно, приостановив собственные усилия в данном направлении: «Иран готов предпринять определенные шаги в сторону сотрудничества. Один из этих шагов касался пункта, о котором три года назад мы в Женеве говорили, что для иранского реактора в Тегеране нам нужно топливо. Мы тогда выразили готовность сотрудничать, чтобы получить это топливо. К сожалению, мы не смогли получить должного ответа, поэтому нам пришлось производить это 20-процентное топливо самим», — сказал Джалили. Политика — это искусство возможного и представляется, что это возможное (возможное на данном этапе взаимоотношений сторон) при нынешнем уровне «доверия» на переговорах в Алма-Ате было достигнуто. Большего на сегодня достичь просто невозможно.

Неформальное и ускользающее

Теперь о том, что осталось за кадром, о тех только оформляющихся тенденциях (и не факт, что они станут реальностью), которые неявно, но достаточно настойчиво определяли ход алмаатинского раунда. Говоря об этом малозаметном и ускользающем от общественного внимания, мы должны в первую очередь говорить о намечающемся изменении подходов Запада к иранской ядерной программе.

И основное, о чем здесь нужно сказать, — иранская ядерная программа теряет в глазах западного общественного мнения, в глазах части западной политической элиты черты «абсолютного зла». Все чаще на Западе раздаются голоса о том, что, собственно, в иранской ядерной программе нет ничего апокалиптичного для остального мира, что этот вопрос не является главной угрозой существования «прогрессивного человечества». Что, в конце концов, нужно признать право Ирана на мирный атом и уйти от противостояния, которое, как оказалось, не носит критического характера ни для политического строя Исламской Республики, ни для ее экономики.

Более того, если проанализировать динамику политической активности вокруг иранской ядерной программы за минувшие два года, то, как бы ни парадоксально это прозвучало, эта активность начинает приобретать некую ритуальность: так положено — поэтому мы так об этом говорим, но у нас есть другие, более важные проблемы. И, что важнее, иранская карта все более становится элементом во внутренней борьбе западных элит.

Тут не должно быть иллюзий: существующий государственный строй Ирана, исламская республика, является для всей западной политической элиты неприемлемым явлением, требующим «переформатирования» в борьбе Запада за сохранение и модернизацию софт-колониальной системы. Разница и противоборство элит начинаются на уровне вопроса о том, как с Ираном бороться.

Есть «умеренные», которые считают, что стратегической задачей является «ненасильственное» ограничение растущего международного влияния Ирана, создание такой системы сдержек и противовесов, которые бы достаточно эффективно ограничивали Исламскую Республику, все более и более заставляли бы ее идти навстречу Западу. А там и до перерождения (или перекупки) иранских элит недалеко. Подрывная деятельность, работа на разложение иранского общества, поддержание «управляемого хаоса» по периметру Ирана, недопущение Исламской Республики к передовым технологиям — вот их инструментарий. Если помогло с СССР, то почему не сработать еще раз?

И есть «ястребы», точку зрения которых предельно четко выразил после своего ближневосточного турне восходящая звезда республиканцев (и один из наиболее вероятных участников президентской гонки-2016 в США) Марк Рубио: «Весь мир опасается того, что страна, которая организовывает теракты во всем мире, станет неуязвимой благодаря ядерному оружию. Даже россияне начали демонстрировать признаки того, что они теряют терпение из-за поведения Ирана, хотя это приходится читать между строк». По поводу завершившихся в Казахстане переговоров группы «5+1» с Ираном, Рубио заявил, что он разделяет мнение израильского руководства, что переговорами Иран лишь пытается выиграть время для достижения прогресса в своей ядерной программе.

Слова «разделяет мнение израильской стороны» здесь ключевые. В основе позиции «ястребов» лежат саудовские финансы и израильские политические интересы. И для саудовского, и израильского лобби подход умеренных

неприемлем по одной причине — он требует времени, а эти государства вынуждены сейчас действовать в режиме цейтнота, потому как на карту поставлен вопрос их существования в нынешнем виде.

Именно из «ястребиного гнезда» и вылетают основные мифы об иранской ядерной программе и ведущихся переговорах. Плохо проработанные, полные внутренних противоречий, не выдерживающие критического подхода— и направленные на то, чтобы оглушить аудиторию, добиться успеха здесь и сейчас, а потом уже поздно будет разбираться, победителей не судят, судят они...

Сегодня в медиа-пространстве раскручиваются три мифа:

- Тегеран намеренно затягивает переговоры для завершения работ по созданию ядерного оружия;
- Тегеран отказывается от прямых переговоров с США,
- и, совершенно свежий, Иран осуществляет производство оружейного плутония в Араке.

Ограниченный объем данного комментария не позволяет разобрать каждый из этих мифов «по косточкам», показав всю их несостоятельность и просто откровенное «перекладывание с больной головы на здоровую». В другой раз. Сейчас очевидны как минимум следующие тенденции, которые будут определять ход «посталмаатинского» переговорного процесса и борьбу вокруг ядерной программы Исламской Республики.

Первое. Борьба «умеренных» и «ястребов» в вопросе «иранского атома» публично (то есть для широкой аудитории) будет вестись в сфере санкций. Если «ястребы» будут настаивать на ужесточении санкционного режима, то «умеренные», не предлагая полной его отмены, будут стремиться к ослаблению контроля за их исполнением. Такая политика, с одной стороны, позволит в случае, когда Запад сочтет необходимым, «закрутить гайки», а с другой — не теряя лица продемонстрировать Ирану и международной общественности свою «добрую волю».

Второе. На фоне ширящихся на Западе настроений о том, что Иран в вопросах освоения им мирного атома нужно оставить в покое, в медиапространстве будут появляться новые «страшилки» об Исламской Республике: от разработки им плутониевой бомбы до «кровавых репрессий» внутренней оппозиции и «спонсирования международного терроризма».

Третье. Основным «возмутителем спокойствия», провокатором, поставщиком конфликтных ситуаций и ложной информации в отношении иранской ядерной программы был и остается Израиль.

Впрочем, алмаатинский раунд продемонстрировал, что Исламская Республика нашла инструмент противодействия Тель-Авиву. Под занавес переговоров Саид Джалили предложил участникам Группы 5+1 и всему международному сообществу «серьезно рассмотреть вопрос уничтожения оружия массового поражения, имеющегося у сионистского режима, разоружить его и выяснить, какая страна предоставила им это оружие». Разумеется, что министр иностранных дел ЕС Кэтрин Эштон от подобного предложения впала в замешательство. Но нет никаких сомнений, что слова Джалили будут услышаны и добавят Ирану международных симпатий и политических очков на предстоящем продолжении переговоров.

АІРАС и антииранские провокации Израиля

инистр обороны Израиля на ежегодной конференции Американоизраильского комитета по общественным связям (AIPAC) в Вашингтоне вновь обвинил Иран в попытках создать ядерное оружие.

По словам Эхуда Барака, такое стремление является не только крупнейшей проблемой Израиля в регионе, но и в мире. Эти слова прозвучали в то время, когда сам Тель-

Авив, располагая 300 ядерными зарядами, является единственным обладателем атомного оружия на Ближнем Востоке, а Генеральная Ассамблея ООН, приняв ряд резолюций, не раз требовала ликвидации этого арсенала.

Позиция подавшего в отставку Барака говорит о том, насколько сильно в Израиле возмущены успешными переговорами Ирана и «Шестерки» в Алматы.

В программу сессии Американо-израильского комитета по общественным связям, известного как главное произраильское лобби в США, включены и выступления вице-президента Джо Байдена и израильского премьера Биньямина Нетаньяху. В трехдневном мероприятии участвуют 13 тысяч человек, однако среди них нет ни президента США Барака Обамы, ни президента еврейского государства Шимона Переса. А между тем, Обама через две недели планирует посетиьт Израиль. Он неоднократно подчеркивал необходимость обеспечения безопасности сионистского режима, что говорит о большом влиянии произраильского лобби на внешнюю политику США.

Роль AIPAC в США связана с его закулисными отношениями с представителями власти, и в частности, руководством Белого Дома. Он является координатором действий всех еврейских организаций США и собирает финансовую помощь для Израиля. Сообщается, что организация имеет 85 тысяч членов в США, занимающих важные политические, экономические и финансовые должности. Они не только голосуют за, но и предоставляют финансовую помощь произраильским кандидатам.

Проникнув в структуру власти и СМИ в США, а также в большинство международных организаций, AIPAC собирает огромную экономическую помощь для Израиля. Так Вашингтон ежегодно предоставляет этому режиму несколько миллиардов долларов в качестве безвозмездной военной помощи. Но кроме этого AIPAC поставил перед американскими политиками цель постоянного гарантирования военного превосходства Израиля на Ближнем Востоке.

Антон Евстратов

Шииты Бахрейна — угнетенное большинство

оединенные Штаты и государства Евросоюза весьма активны в осуждении «отсутствия демократии» и «нарушения прав человека» в Иране, а с недавних пор — Сирии. Между тем, в обеих странах их законодательная и исполнительная власти выбираются в ходе соответствующих процедур и, несмотря на нарекания извне, действительно пользуются поддержкой

большинства населения. Однако среди союзников тех же США имеются государства, где большинство граждан не только не представлено в достаточной степени в политической жизни, но и, фактически, находится на положении темнокожего населения Южноафриканской Республики середины 20 века. Наиболее ярким примером в данном ряду является Бахрейн.

Шииты Бахрейна — граждане второго сорта

Эта страна разделена по конфессиональному признаку — от 70 до 85% населения ее исповедуют ислам шиитского толка, и лишь остальные являются суннитами. Тем не менее, власть в государстве принадлежит именно суннитам, которые имеют на нее, фактически, монопольное право. Шиитское большинство является неполноправной категорией населения. В качестве иллюстрации к данному тезису можно отметить, что шииты законодательно лишены возможности жить примерно на 40 % территории Бахрейна, в частности, «запретной землей» для абсолютного большинства граждан этой страны является город Рифаа. Основанием для такой, мягко говоря, необычной меры, является страх правительства перед смешением суннитов и шиитов и еще большим «растворением» суннитского меньшинства. Впрочем, это — отнюдь не единственное ограничение для шиитов королевства. Основные государственные посты Королевства занимают сунниты, а шииты в основном стоят на низших ступенях социальной лестницы. Последние не могут быть, к примеру, военнослужащими или полицейскими, даже их дети учатся в отдельных школах, не пересекаясь там с суннитами. Кредитная политика банков в отношении суннитов гораздо более выгодна, чем для шиитов, что также свидетельствует о дискриминационной политике бахрейнских властей. Король Хаммад аль-Халифа, вся его семья и политическая элита Бахрейна (что, практически, тождественно), естественно, также принадлежат к суннитской ветви ислама.

Семья аль-Халифа является своеобразным олицетворением суннитской монополии на власть — она правит Бахрейном на протяжении 40 лет, и даже кабинет министров страны выполняет свои задачи с 1974 года.

Партии в Королевстве Бахрейн находятся под запретом, поэтому ведущей политической силе страны, шиитской «Аль-Вефак», создано надежное препятствие для победы на выборах в нижнюю палату парламента. Практически с самого начала своего участия в процедурах избрания законодательного органа, шииты, представляя абсолютное большинство населения, по странному стечению обстоятельств получают меньшинство мест. Дело здесь также и в том, как считают голоса в бахрейнских ЦИКах, и в том, кто в действительности голосует на избирательных участках. Например, наблюдатели от уже упомянутой «Аль-Вефак» фиксировали участие в выборах граждан Саудовской Аравии, которые получали паспорта Королевства Бахрейн... прямо накануне.

Шииты и сунниты — кто есть кто?

Прежде, чем продолжать разговор о взаимоотношении суннитов и шиитов в Бахрейне, не лишним будет сказать несколько слов о происхождении той и другой ветвей. После смерти пророка Мухаммеда часть его сподвижников объединились и избрали главой общины, халифом, одного из его приближенных, Абу Бакра. Вместе с тем, ряд источников (прежде всего, имеющийся, как в шиитских, так и в суннитских сборниках хадис Гадир Хум) свидетельствуют о том, что Мухаммед еще до смерти назначил следующим главой всех мусульман двоюродного брата и мужа своей дочери Фатимы, Али. Тем не менее, несмотря на несогласие с результатами «выборов», Али, не желая раскола общины, не стал с оружием в руках отстаивать свое право на халифат. Он смог прийти к власти лишь минуя Абу Бакра и еще двоих правителей — Умара ибн аль-Хаттаба и Усмана ибн-Аффана. Вместе с тем, Али все это время являлся Имамом, духовным руководителем мусульманской общины. Однако, даже после прихода к власти Имама Али, последний столкнулся с сильной оппозицией в среде арабской аристократии. Вначале ему пришлось подавлять бунт вдовы пророка Айши, а потом — вступить в противоборство с наместником Сирии и Муавией ибн Абу-Суфьяном. Одержав военные победы над вышеуказанными «оппозиционерами», Имам Али, тем не менее, был убит фанатиком из секты хариджитов, а власть в халифате захватил Муавия, который отстранил от нее сына Али, Хасана, и основал династию Омейадов. При этом духовное руководство, Имамат, остался у потомков Али, последним из которых шииты считают Махди, который, согласно их версии, жив и поныне, находясь в «сокрытии».

По одним данным, сразу же после смерти пророка, по другим — еще до нее появилось слово «шииты» (от арабского «шиа» — группа сторонников, партия), которое обозначало сначала сторонников Мухаммада, а затем — Имама Али и его потомков, «Пречистых Имамов». Что касается суннитов (от арабского «Ахль ас-Сунна» — люди Сунны — традиции пророка Мухаммеда, его высказываний и поступков), то данный термин возник, по мнению целого ряда, как религиозных, так и светских историков, позже — после утверждения у власти в Арабском халифате династии Аббасидов, когда возникла потребность в обозначении идеологии, лояльной преемникам узурпа-

тора Муавии. Несмотря на то, что изначально шиитами была значительная часть населения Ближнего Востока, меры суннитских правителей Омейадского, Аббасидского, а позже — Османского халифатов, порой очень жест-

Несмотря на то, что в среде большей части верующих на данный момент противоречия суннитов и шиитов в значительной мере сглажены, маргинальные группы зачастую продолжают исповедовать идеологию насилия кие, привели к постепенному уменьшению числа «приверженцев членов семьи пророка». В настоящее время шииты составляют примерно 10% от всех мусульман. Они проживают, прежде всего, в Иране, а также в Азербайджане, Ираке, Пакистане, Афганистане, Сирии, Ливане, Таджикистане и странах Персидского залива.

Несмотря на то, что в среде большей части верующих на данный момент противоречия суннитов и шиитов в значительной мере сглажены и уже не приводят к вооруженным конфликтам, маргинальные группы зачастую продолжают исповедовать идеологию насилия. К примеру, в Ираке ваххабитская (радикальное течение в суннизме, оформившееся в 18 веке), группировка «Аль-Каида» была нацелена на уничтожение шиитов, тем же самым занимаются ее члены в Сирии, разгул насилия в отношении шиитов в последние годы

также имеет место в Пакистане и Афганистане. Что касается государств Персидского залива, то, несмотря на то, что там не происходит массовых «казней» и «акций возмездия» по отношению к шиитскому меньшинству (а в Бахрейне — абсолютному большинству), оно, тем не менее, поражено в правах, как мы это уже видим на примере монархии аль-Халифа.

Борьба шиитов Бахрейна за свои права: исторический экскурс

Бахрейнские шииты не раз предпринимали попытки исправления своего незавидного положения в королевстве. Серьезно стимулировала их политическую активность произошедшая в Иране в 1979 году Исламская Революция. Уже в июне этого года представители шиитской общины Бахрейна передали главе государства петицию с рядом требований. Впрочем, это не привело к каким-либо мероприятиям со стороны правительства. Серьезная же политическая борьба бахрейнских шиитов против своего неполноправного положения в стране началась в 90-е годы прошлого столетия. Уже с этого времени выступления представителей конфессионального большинства в Бахрейне не находили не только поддержки и понимания на Западе, но и практически не привлекали внимания официальных лиц США и Европы. Между тем, основным требованием бахрейнских шиитов в 90-е годы являлось возвращение к конституции 1973 года, которая давала стране реальный парламентаризм. Вместо удовлетворения требований политических активистов, огромное их число было заключено в тюрьмы. Многие прошли через пытки, а десятки человек поплатились за попытки восстановления справедливости жизнями.

Интересно, что приход к власти в 1999 году Хамада бен Исы аль-Халифа, унаследовавшего власть от своего отца, был воспринят многими гра-

жданами Бахрейна и, прежде всего, шиитами, с надеждой на перемены и скорые реформы. Так, первым актом нового правителя стало объявление референдума о превращении эмирата Бахрейн в королевство, в котором обещалось, в числе прочего, и установление конституционной монархии. Народ, воодушевленный освобождением политических заключенных, возвращением ссыльных, а также остановки санкционированных государством пыток, поддержал монарха. Впрочем, в 2002 году «все встало на свои места».

Хамад аль-Халифа, фактически, организовал монархический путч, внеся изменение в конституцию, предоставив себе неограниченные полномочия. В полностью подконтрольном ему парламенте половина депутатов (верхняя палата) назначались непосредственно им, а половина «избиралась» — без соблюдения какого-либо законодательства и даже элементарного мониторинга выборной процедуры. Сама организация таких выборов являлась своеобразной театральной постановкой, фарсом, призванным «застраховать» страну от любых серьезных успехов оппозиции правящему режиму. В результате, например, получив в 2010 году по факту 60% голосов, оппозиционные кандидаты заняли в парламенте лишь 18 из 40 мест.

Антишиитские меры бахрейнского правительства

Эти махинации на выборах были направлены на еще большую маргинализацию и устранение от политики неполноправного шиитского большинства. Впрочем, на этом правительство «не успокоилось». Правящая династия всячески поощряет антишиитскую пропаганду в королевстве, а лидеры шиитов традиционно «удостаиваются» самых нелепых обвинений. Так, в 2010 году 23 политических активиста были арестованы по обвинению в «терроризме», финансируемом Ираном. Имеют место и более «интересные» меры правительства аль-Халифа. За последние 20 лет десятки тысяч уроженцев таких стран, как Сирия, Иордания, Пакистан и Йемен получили гражданство Бахрейна. Все они являются суннитами. Таким образом, режим решает две важнейшие для себя задачи — краткосрочную, набор в полицию и спецслужбы сотрудников, целиком и полностью преданных именно королевской семье, а не бахрейнскому народу, и долгосрочную — изменение демографической ситуации в стране, «разбавление» шиитского большинства.

«Новые граждане» сразу же получают серьезные преимущества перед коренным населением — к примеру, они вне очереди получают государственное жилье, в то время, как многим коренным бахрейнцам, как шиитам, так и суннитам, приходится ждать его зачастую по два десятка лет. Многие из коренных жителей страны не могут найти работы, а «новоприбывшие» получают ее сразу же после пересечения государственной границы.

Неудивительно, что подобное положение дел еще более возмутило народные массы, которые еще в 2006 году выходили на улицы Манамы. Основным требованием протестующих бахрейнцев стало прекращение предоставление гражданства мигрантам-суннитам. Как нетрудно догадаться, режим и в этот раз не услышал собственный народ.

Помимо политической и социальной дискриминации шиитов, династия аль-Халифа делает ставку и на откровенно криминальные, террористические и насильственные методы по «успокоению» большинства населения

своей страны. Кроме официальных правоохранительных органов оно поощряет создание отрядов «суннитской милиции», которые «прославились» погромами шиитских кварталов и деревень в окрестностях Манамы. 15 марта 2011 года, например, одна из таких акций имела место в селе Ситра, расположенном к югу от бахрейнской столицы. По словам шиитских членов парламента страны, данные действия были направлены на уничтожение граждан и являются недопустимыми даже в случае настоящей, полномасштабной войны.

Впрочем, погромы не раз повторялись. Фактически, они свирепствуют с самого начала революции 14 февраля 2011 года — до последних дней. В апреле 2012 года сотни людей, вооруженных ножами и палками провели масштабную атаку сразу на несколько шиитских деревень. Данная акция была ответом на протесты шиитов против проведения в стране Гран При Формулы-1. Силы безопасности, столь бескомпромиссно расправляющиеся с тысячами шиитских демонстрантов на улицах Манамы, однако, не смогли (или не захотели) остановить нападения суннитских бойцов. Впрочем, представители правоохранительных органов позже «оправдывались», заявляя, что им все-таки удалось предотвратить проникновение погромщиков в шиитскую деревню аль-Нувейдра, на окраине Манамы. Информация о жертвах и пострадавших в публичных сообщениях бахрейнской полиции отсутствует. Очевидцы говорили о множестве жертв — сразу в нескольких населенных пунктах.

Иран — «штатный враг» бахрейнского режима

Однако продержаться у власти исключительно на репрессиях и откровенном обмане собственного народа у семьи аль-Халифа вряд ли могло бы получиться. Как и любой «уважающий себя» диктатор и тиран, король Хамад активно использует в своих целях и образ внешнего «врага», в роли которого предстает Иран. Примечательно, что за несколько десятков лет «враг» у Бахрейна поменялся. До иранской Исламской Революции 1979 года правительство страны обвиняло оппозиционных активистов в связях с египетским президентом-социалистом Гамалем абд аль-Насером и даже СССР. Как видим, сейчас цель сменилась. Как только начались народные волнения, и доведенные до отчаяния люди вышли на Жемчужную площадь, официальные лица Бахрейна сразу же стали говорить об «Иранском заговоре». А стоило только Тегерану, после фактической оккупации королевства войсками Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов, выразить против данной акции официальный протест, как Бахрейн отозвал из Исламской Республики своего посла. Даже крупнейшая шиитская оппозиционная партия «Аль-Вефак», по мнению ряда правительственных чиновников, которое они не стесняются ретранслировать на ведущих мировых телеканалах, например, ВВС, не является голосом бахрейнского народа. Данная партия, по мнению местных чиновников — «голос Ирана».

И это — несмотря на то, что лидер «Аль-Вефак», Али Салман последовательно отрицает связь своего политического объединения с иранскими спецслужбами, как в официальных заявлениях, так и в интервью СМИ. «У нас нет связей с Ираном. Мы не призываем к свержению королевской семьи. Мы хотим реформ», — лаконично заявил недавно Салман, отвечая на вопросы корреспондентов уже упомянутого ВВС. Более того, по словам Али

Салмана, несмотря на то, что «Аль-Вефак» — преимущественно шиитская партия, путь в нее открыт не только представителям данной конфессии, но и всем гражданам Бахрейна, которые верят в свободу и готовы добиваться установления в стране демократии.

Впрочем, заявления шиитских лидеров, равно как и полное отсутствие всяких доказательств наличия хотя бы какой-то роли Тегерана в складывании в королевстве революционной ситуации, мало интересуют как бахрейнскую политическую элиту, так и значительную часть суннитского населения. И те и другие считают, что «100% шиитов — за Иран».

Еще один «столп», подпирающий шаткое здание монархии Бахрейна, — тесные связи королевской семьи с Соединенными Штатами Америки. Именно островное королевство является важнейшей базой американского 5-го флота. На бахрейнской территории находятся основные структуры данного подразделения, а главное, — его штаб. Кроме того, в Бахрейне расположен узел связи, склады военного имущества, пункт сбора информации и станция радиоразведки США. Американские ВМС арендуют базу Ситра, а ВВС — базу Эль-Мухаррик. Также в Бахрейне расположен пункт управления Сил специальных операций армии США, распространяющий свою деятельность на весь ближневосточный регион.

Военное сотрудничество маленького государства с населением чуть более 500 тысяч человек с «Большим братом» может лишь удивлять. В период с 2001 по 2009 гг. Вашингтон поставил в страну вооружений на сумму 2 миллиарда долларов. Ни американские, ни американские военные функционеры не скрывают, что все это оружие направлено, прежде всего, против Ирана. В этой связи у любого стороннего наблюдателя может возникнуть резонный вопрос — кто же против кого работает — Иран против Бахрейна или наоборот? Вместе с тем, вышеприведенная информация, во-первых открывает некоторые «секреты прочности» бахрейнской монархии, а во вторых — делает явью тайну отсутствия внимания к нарушениям прав человека на территории данного королевства со стороны США и их союзников. Бахрейнский политический режим исключительно полезен Соединенным Штатам в качестве союзника против Ирана и будет защищаться Вашингтоном всеми силами.

Возможна ли справедливость в островном королевстве?

Как видим, положение шиитского большинства в Бахрейне — весьма прискорбное. Более того, ситуация практически не меняется к лучшему. Так, например, совсем недавно, в середине февраля текущего года, в ходе вновь начавшихся столкновений шиитов с полицией погиб 16-летний подросток Али Ахмед Ибрагим. «Стражи порядка» застрелили парня из дробовика. Более того, чуть ранее, в конце 2012 года, заместитель главы Министерства иностранных дел Ирана Хоссейн Амир Абдоллахиан заявил о том, что в Бахрейне применяются отравляющие газы, от которых уже погибли десятки человек. Продали бахрейнской полиции данные вещества западные государства, которые, тем не менее, очень пристально следят за судьбой химического оружия в Сирии и ряде других стран.

И все же — возможно ли остановить эскалацию насилия и фактический геноцид собственного народа политической элитой маленького ближнево-

сточного королевства? Реально ли добиться полного равенства прав шиитского большинства и суннитского меньшинства в этой стране? Представляется, что перспективы для этого есть. И важную роль, помимо западных и соседних арабских государств, в этом процессе может сыграть Россия. Не зря именно в Москву 6 февраля прибыла делегация бахрейнской оппозиции во главе с упомянутым выше генеральным секретарем партии «Аль-Вефак» Али Салманом. Последнего сопровождали представители еще четырех политических объединений страны. Оппозиционеры встретились с заместителем министра иностранных дел России Михаилом Богдановым. В ходе данной встречи российский чиновник заверил бахрейнских политиков в поддержке Москвой демократических преобразований на территории королевства, а также выступил за серьезный и конструктивный диалог между оппозицией и властью. Тем самым, Богданов, фактически, солидаризировался с требованиями «Аль-Вефак», настаивавшей именно на таком диалоге, но неизменно получавшей от властей отказ.

А 10 февраля в курортном городе Сакхар открылась Первая сессия Диалога национального согласия, в которой приняли участие восемь представителей Коалиции политических обществ Бахрейна, шесть делегатов от различных политических организаций, восемь независимых делегатов и три члена кабинета министров страны. Даже несмотря на то, что диалог был омрачен и в некотором степени снивелирован упомянутыми столкновениями демонстрантов с полицией, и гибелью подростка, хочется верить, что начало примирению преобразованию бахрейнского общества и государства положено.

Однако необходимо понимать, что для окончательного установления справедливости на территории королевства, остановки репрессий и наделения всей полнотой гражданских прав шиитов, необходима положительная реакция на эти процессы со стороны стран Запада и США, на которые ориентируется династия аль-Халифа. В случае, если «носители демократии» перестанут печься о своих геополитических интересах и вспомнят о народе Бахрейна, которому эта самая демократия была бы очень кстати, переменам в королевстве не смогут воспрепятствовать даже соседи островного государства — Саудовская Аравия и ОАЭ, которые столь успешно сделали это весной 2011-го. При этом США и Евросоюзу придется пересмотреть отношение не только к бахрейнской оппозиции, но и ко всей своей политике в ближневосточном регионе. Военная и геополитическая выгода, хороший «козырь» в противостоянии с Ираном, а также многомиллиардные контракты должны будут уступить место настоящей и честной поддержке угнетенного населения, декларируемой официальными лицами упомянутых стран.

В последнее время Запад справедливо критикуют за его попытки демократизации всего мира, однако в случае с Бахрейном хочется призвать США и их союзников если не помочь, то хотя бы не мешать установлению демократии и свободы, столь любимых в Европе и Соединенных Штатах. Режим островного королевства необходимо заставить отказаться от политики апартеида, несовместимой, ни с демократическими, ни с общечеловеческими ценностями и реалиями 21 века. Запад уже дискредитировал себя своей политикой по поддержке террористов в Сирии, помощью Саддаму Хусейну в его войне против Ирана в 80-х, и во многих других случаях. К сожалению, угнетенное шиитское большинство союзного западным государствам Бахрейна — лишь «живой индикатор» истинных интересов Соединенных Штатов и их союзников.

Гарник Асатрян

От «Арийского простора» до Азербайджанского мифа. Часть 2: Персы

ринято полагать, что раз Иран — это Персия¹, а государственный язык Ирана — персидский (фарси), то и титульным народом этой страны должны быть, конечно же, персы. И коль скоро титульные народы, как правило, составляют большинство в народонаселениях стран, то и персов в Иране должно быть больше. При этом придумана знаковая цифра-заклинание, регулярно по-

вторяемая, к сожалению, и в нашей, и в российской печати. Это -51%! Т.е., персов, и вправду, большинство, но всего на один процент.

Остальное — чужеродные «нации»: «азербайджанцы», курды, белуджи, арабы и т.д., ничего общего не имеющие с «персами». Стало быть, само собой разумеется, чтобы «нации» эти стремились бы к отделению от Ирана, боролись бы за освобождение от гнета — цитируя бакинских авторов — «фарсидского шовинизма» и ратовали бы за создание собственных государственных образований.

В действительности же, привычное русскоязычному читателю «перс» — производное от Персия (Persia, la Perse, Persien), как называли Иран до официального переименования страны при Реза Шахе.

Ни один из иранцев персом себя никогда не называл: фраза man fārsam («я — перс») просто лишена смысла. Так что в современном Иране — как это ни странно прозвучит — нет ни «персов» в классическом смысле слова, ни — как увидим дальше — «азербайджанцев» в тюркистском толковании этого понятия...

Мы знаем, какое значение для манипуляции сознанием имеют символы и цифры. Волюнтаристское деление населения Ирана на «народы» и «этносы» и их цифровые репрезентации — не более чем специально разработанные символы, призванные «обосновать» на уровне общественного сознания тщательно планируемое расчленение этой страны. (Методология и методы

¹ Название (англ. Persia) идет из греческой традиции (Персис), которая четко отличала территорию обитания персов (Ахеменидскую провинцию Pārsa-) от других частей «Арийского простора».

создания подобной символики и ее роль в советской «Перестройке», приведшей к развалу Союза, хорошо изучены и не нуждаются в дополнительной аргументации.)

Для выяснения объективной картины демографической ситуации в Иране традиционные методы статистических расчетов по этническому составу населения абсолютно бессильны. Невозможно определить по обычным меркам, что есть народ Ирана и из чего он состоит. Для этого требуется комплексный подход, учитывающий, помимо самосознания, исторический, антропологический, лингвистический и культурный аспекты.

Как уже говорилось, испокон веков (после иранизации Иранского плато) в западном Иране господствовали две этноязыковые стихии — мидийская и персидская. Мидийцы, первыми создавшие иранскую государственность на территории Ирана², вскоре уступили власть персам-Ахеменидам. Но уже во второй половине III века до н.э. парфяне, родственный мидийцам народ, создали империю во главе с династией Аршакидов, происходивших из восточного Ирана. В начале III века н.э. к власти опять пришли персы в лице Сасанидов, всецело правившие Ираном вплоть до арабских завоеваний (первая половина VII века). После принятия ислама у власти сменяли друг друга то иранские, то инородные (тюркские и монгольские, однако быстро иранизовавшиеся) династии, но парфяне (и тем более мидийцы) окончательно покинули историческую арену и были преданы забвению.

Тем не менее, язык парфян некоторое время имел хождение, в том числе и официальное — по крайней мере, в форме отдельных версий среднеперсидских надписей (Хаджиабад, Ка'баи Зардушт, Пайкули).

Более поздние манихейские тексты, по-видимому, отражают уже не живую форму языка, а его архаический, уже вымерший вариант. Но историческая память о парфянах как о народе, обладающем выдающимися героическими качествами, еще долго сохранялась на уровне народной традиции. Неслучайно, что этноним парфян, имевший во времена Сасанидов форму пахлав(ан)ик, стал в дальнейшем — в классическом новоперсидском — нарицательным обозначением эпического героя (или просто героя-молодца), удалого всадника и силача (пахлаван). Интересно, что такое восприятие парфян отмечено и у армян: в армянском языке слово партев, изначально означающее «парфянин», имеет и значение «статный». Между прочим, в армянском этногенезе парфяне, возможно, также сыграли определенную роль.

В любом случае, северо-западноиранский языковой массив или, условно говоря, «мидийская» группа, куда входит и парфянский, породил большое количество диалектов, которые являются сегодня определяющими факторами, характеризующими многочисленные локальные культуры в Иране и даже за его пределами. Это — белуджский, семнани, мазандарани, гиляки, талышский, южнотатский, сиванди, габри, гурани, диалекты полосы Кашана-Исфахана и заза (в Анатолии). К юго-западноиранскому массиву, или «персидской» группе восходят собственно персидский (и центральноазиатская его разновидность, более известная как таджикский), лурские диа-

² См. новейшую работу об истории Мидийского царства: И. Н. Медведской, Древний Иран накануне империй (IX-VI вв. до н.э.). История Мидийского царства, СПб., 2010.

лекты, северо-татский в Азербайджанской Республике и южном Дагестане, диалекты приморских районов Персидского залива (минаби, кумзари, башагарди и т.д.), систанские диалекты (мануджани, рудани и т.д.), диалект Лара и т.д. При этом, ряд диалектов, такие как курдский, лаки и калхори, являются весьма смешанными формами иранской речи, хотя и с превалированием в них северо-западноиранского элемента³.

Однако, наиболее смешанный иранский язык — это персидский, который, будучи однозначно юго-западным диалектом, абсорбировал в своем словарном составе не только сотни парфянских и в целом северо-западноиранских лексем, но и многочисленные заимствования из восточноиранских языков и, прежде всего, согдийского. И главное, весь этот корпус привнесенной лексики в персидском нельзя считать заимствованиями в обычном смысле этого слова. Это — органичная составляющая персидского лексикона, неотъемлемый его ингредиент. Подобное не может случиться при простых контактах между народами. Заимствования контактного типа, когда проникновение чужеродной лексики происходит в результате тесных общений народов, — сплошь и рядом наблюдаемое во многих языках мира явление (кстати, арабские, тюрко-монгольские и индийские заимствования в персидском как раз принадлежат к этой категории лексики). Случай с персидским — феномен совершенно иного рода, связанный как с субстратно-суперстратным процессом — иначе говоря, этническим смешением, — так и с процессом формирования наддиалектного литературного койне. Известно, что в период IX-X вв. персидский, наряду с арабским, был lingua franca для всей иранской ойкумены — с востока до запада. Позднее эта функция осталась только за персидским (а арабский выступал преимущественно как сакральный язык религиозной практики), распространившимся к XVII веку уже и на Индийский субконтинент. Персидский стал, фактически, вторым после арабского, а в функциональном отношении порой выступал даже в качестве первого языка ислама.

Однозначно, что, не считая диалектных расхождений, новоперсидский является потомком среднеперсидского (официального языка Сасанидской Персии), а последний восходит в древнеперсидскому, дошедшему до нас в клинописных текстах Ахеменидского периода. Следовательно, родиной этого языка является Фарс (арабская адаптация исконно персидского Парс; ср. в армянском Парс-к), главная вотчина Ахеменидов почти в центре западного Ирана. На это указывает и название языка, засвидетельствованное еще в пехлевийских текстах — парсик, т.е. «относящийся к Фарсу», «язык Фарса» и одновременно «перс, персиянин»; в этой форме оно до сих пор сохранилось в армянском, но только как этноним.

Как же случилось, что язык, ограниченный до VII века пределами западного Ирана, а в древности — лишь областью Фарс, вдруг приобрел такой вселенский масштаб в ближневосточно-центроальноазиатском регионе — и как средство общения, и как литературное койне (подобно классическому

³ Смешанный характер курдского диалекта, в частности, тот факт, что он сформирован в тесном окружении юго-западноиранских диалектов и персидского в первую очередь (см. выше, примеч.), был показан в совместной работе автора этих строк и В.А. Лившица, посвященной происхождению курдского консонантизма (см. G.S. Asatrian, V.A. Livshits, "Origine du systume consonantique de la langue kurde", Acta Kurdica, London, 1994, pp. 81-108).

арабскому для арабоязычного ареала или латыни в средневековой Европе)?

Согласно почти единодушному мнению специалистов, своим статусом языка культуры и межнационального общения персидский обязан в первую очередь арабскому завоеванию Ирана. Под натиском арабов сотни тысяч персов — выходцев из Фарса — уже в первые десятилетия после падения Сасанидской империи нашли убежище в Трансоксиане (Маверааннахре) и особенно в Согдиане — в Бухаре и в других крупных урбанистических центрах. Хотя на согдийском местное население говорило почти до Х века, оно еще в первый период арабского освоения восточного Ирана было уже двуязычным. К тому же, с арабами на восток перекочевало еще и большое количество принявших ислам персов — и в качестве арабских «клиентов» (mawālī), и самостоятельно, — что существенно укрепило позиции персидского в этом регионе. Он стал основным языком общения арабов с согдийцами и другими иранскими народами Средней Азии. Контаминация двух разделенных, хотя в основном и находившихся в составе единого государства частей иранского мира на арабо-мусульманской почве, создала поразительную многогранную и красочную культуру, выразившуюся в появлении богатейшего литературного и научного наследия. Достигла непревзойденных высот поэзия на персидском. Произведения по астрономии, медицине, юриспруденции, географии и лексикографии сочинялись не только на арабском, но и на персидском.

Персидский превратился в главный символ некоей синкретической цивилизации, базировавшейся на идее Ирана как ностальгической памяти о прошлом, к тому времени, конечно, уже мифологизированном, и традиций ислама. Хотя он и назывался парси (или в арабской передаче фарси), т.е. «персидский, язык персов» (как, например, у Фирдауси), но уже и речи нет о «персах» (за исключением редких случаев: парсийан) — только об иранцах (ирани, иранийан). Этнос под названием «перс» — чуждое понятие для этой культуры — разве что в сочетании с ирани, «иранец».

Разумеется, в повседневной жизни, как и во всей мусульманской умме, превалировала самоидентификация «мусульманин» в противопоставлении иноверцам — буддистам (бут-парастан, куффар/кафиран), христианам (насара, тарсайан) и евреев (джухудан, чахутан, йахудан). В иных ситуациях люди определялись просто по месту жительства: бухарайи «житель Бухары», абиварди «житель Абиварда», фараби «житель Фараба (Фарйаба)», табари «табаристанец», табризи «табризец», багдади «житель Багдада» и т.д.

Определение «перс», если и встречалось, то преимущественно в сочинениях арабских авторов (ал-фариси) и обозначало неарабских (иранских) обитателей некогда великого «Арийского простора». Даже в самом персидском парс могло указывать, например, на жителей Бухары, согдийцев. Более обычным в мусульманском обиходе обозначением для иранцев было, конечно, аджам, которое часто употреблялось в противопоставлении к арабам — араб-у-аджам.

В западном Иране также развивалась литература на персидском, но близость к центру Халифата ограничивала ее просторы, и она во многом формировалась под влиянием норм, канонов и языковой фактуры, которые сложились в персоязычной традиции, оформившейся на востоке. Это было похоже на возвращение из чужбины собственного детища, носящего уже

другое имя — парси-дари, «дворцовый персидский» или просто дари. К тому времени юго-западная («персидская») среда, некогда давшая жизнь этому созданию, уже существенно отдалилась от него.

В ходе стремительного исторического развития на территории западного Ирана появилось большое количество диалектов, которые арабские авторы называют фахлавийат. Отдельные сохранившиеся образцы этих диалектов демонстрируют отличные от языка дари довольно продвинутые формы иранской речи уже в X веке.

Характерным примером может служить язык перевода Корана (Кур'ан-и-кудс), осуществленного, по-видимому, в Систане. Похоже, кроме населения Хорасана (в средневековых его пределах, охватывавших также часть Средней Азии и Афганистана) и Трансоксиании, а также изолированных еврейских общин, сохранивших архаический персидский (Judaeo-Persian) первого периода арабских завоеваний, вряд ли кто-либо еще говорил на дари в повседневной жизни и в быту. Более того, думается, и в указанных областях имели хождение некие вульгарные разновидности этого языка, которые в дальнейшем составили основу современных таджикских диалектов.

Кстати, этноним таджик, впервые засвидетельствованный в XI веке, восходит к среднеперсидскому тачик (арм. тачик), первоначальное значение которого было «араб». Однако, в Мавераанахре в первый период распространения ислама слово восприняли еще не обращенные в ислам тюрки и стали употреблять его для обозначения ираноязычных мусульман. Отголоском этого является нынешнее употребление термина таджик по отношению к одной из иранских групп в Фарсе (упомянутой еще Оскаром Манном), по всей видимости, некогда жившей в окружении тюрков.

Такую же семантическую нагрузку несет и термин тат (см. ниже, Гл. IV).

Даже в самом Фарсе, на родине персидского языка, люди общались на диалектах, весьма отличных от литературного койне (дари), не говоря уже о населении Исфахана, Хамадана, Маха, Нихаванда, Рея, Азербайджана, где процветали «мидийские» наречия. Сохранилось значительное число текстовых свидетельств на диалекте Шираза (столицы Фарса) со времен Саади и Хафиза, указывающих на тот факт, что простые носители этого диалекта не могли понимать (или с трудом понимали) произведения своих гениальных земляков на дари. Неслучайно Хафиз писал: Ze ље'г-е delkaљ-е Ḥāfeḍ kasī bovad āgāh / Ke loṭf-e ṭab' о soxan goftan-e darī dānad — «Лишь тот поймет трогающую сердце поэзию Хафиза, кто знает нежность сути (языка) дари и (может) говорить на нем».

Интересно, что Насир Хусрав, персоязычный поэт, писатель, философ и путешественник XI века из восточноиранского Балха (древняя Бактрия), называя «персидским» (парси) язык части населения города Ахлат на севере-востоке озера Ван — остальные жители этой местности, по его словам, говорили на тази (арабском) и армани (армянском), — считает, вместе с тем, настоящим парси только литературный персидский Трансоксиании. Описывая свою встречу в Табризе с азербайджанским (азарийским) поэтом Катраном Табризи, он пишет: «(Катран) писал хорошие стихи, но плохо знал парси. Пришел ко мне, принес стихотворные собрания Манджика и Дакики и стал их при мне читать, а трудные для себя места спрашивал. Я объяснил ему, а он это все записал и прочел мне свои стихи». Понятно, что

под парси Насир Хусрав имеет в виду хорасанский или среднеазиатский литературный персидский, ибо Дакики и Манджик — поэты как раз этого региона, а первый — еще и предшественник Фирдауси в сочинении «Шахнаме». Кроме того, дошедшие до нас отрывки поэтического творчества Катрана указывают на то, что он блестяще знал персидский, хотя его родным языком был диалект Табриза — азари, принадлежавший к «мидийской» группе иранских наречий (см. ниже, Гл. III, 3). Здесь речь может идти лишь о непонимании отдельных лексем, свойственных литературному койне, но чуждых для жителя западного Ирана. Чуть позднее именно такую лексику собрал в своем знаменитом словаре «Лугат-и фурс» хорасанский поэт Асади Туси (похороненный, кстати, в Табризе).

Классическая литература на персидском, которую принято называть «классической персидской литературой» (или — в советской академической традиции — «персо-таджикской литературой»), — по существу, коллективное творчество, общее наследие всех иранцев — прежде всего восточных, хотя язык, на котором она создана, происходит из запада, из Фарса. Роль самих выходцев из этой провинции, т.е., так сказать, персов, в развитии этой литературы достаточно скромна.

Так обстояло дело и в период формирования литературы по окончании классического периода (XV в.) уже в западном Иране. Вся литература, историографические, лексикографические труды и проч., появившиеся в XVI—XX вв., — также плод художественного и научного творчества представителей всех культурно-диалектных ареалов Ирана — хорасанцев, горганцев, мазендаранцев, гилянцев, галешей, талышей, азербайджанцев (азарийцев), курдов, семнанцев, исфаханцев, хузистанцев и, в том числе, обитателей провинции Фарс, которых персами можно назвать лишь в определенном историческом контексте.

Персидский литературный язык в том виде, в котором он существует, мало чем отличается от классического новоперсидского (или дари), а последний — от позднего среднеперсидского, отраженного в манихейских текстах. Основные различия между среднеперсидским и новоперсидским прослеживаются только в синтаксисе. Различия в словарном составе (отсутствие архаических единиц в новоперсидском), грамматике и вокализме, при этом четко не фиксированные в письме — довольно незначительны. Выходит, фактически, что за больше чем тысячелетие персидский язык не потерпел существенных изменений — весьма нехарактерное для иранских языков явление. За тот же период прямые потомки этого языка на его родине, в Фарсе и в прибрежном ареале Персидского залива, как уже было отмечено, подверглись нормальному процессу языковой эволюции.

Причина «остановки во времени» новоперсидского кроется именно в его особом статусе — языка литературы и нормативной словесности. Он не прошел естественного пути развития, а остановился, похоже, в позднесреднеиранском состоянии, став языком культуры и общения целой цивилизации. Это не только наследие собственно персов, а достояние всей иранской ойкумены, включающей весь «Арийский простор» — от крайнего востока Средней Азии до крайнего запада в современном Иране. Прямыми потом-ками древнеперсидского (и, соответственно, среднеперсидского) могут считаться разве что диалекты Башагарда, Кешма, Минаба и т.д., не считая, конечно, угасших наречий Фарса⁴.

Между тем, как я уже отмечал, понятие «перс» в качестве названия этноса или народа в исламский период истории Ирана вплоть до сегодняшнего дня отсутствует. В современном Иране, как и в первые века ислама, люди идентифицируются по месту жительства, а в противопоставлении к иноверцам — по религиозной принадлежности (т.е. мусульманин (суннит, шиит), христианин (масихи, исави), еврей (йахуд, калими), зороастриец (габр, зардошти; сами последователи пророка Зороастра предпочитают термин бехдинан, т.е. «(имеющие) благую религию») и т.д.). Исключение составляют лишь племенные общности с традиционным укладом жизни — луры, бахтияры, кашкайцы, курды, белуджи, гураны, авроманы, брахуи (барахави), туркмены (торкаман), мандейцы (мандаи) и др. Обозначение торк («турок») для членов тюркоязычных сообществ имеет весьма недавнюю историю: еще в середине XX века оно имело — а порою имеет и сейчас — пейоративный оттенок, намекающий на некую культурную отсталость личности. Впрочем, в таком же контексте употребляется и племенное название лор («лур»).

В сегодняшнем Иране этнонимы применяют только по отношению к армянам (армани; кстати, это название часто распространяется и на всех христиан страны), арамеоязычным сирийцам, или айсорам (сорияни), грузинам (горджи) и арабам ('араб).

Однако вернемся еще раз к вопросу о персидском языке. Исходя из логики повествования, можно сделать вывод, что, во-первых, исламскому Ирану понятие «перс» было чуждо в качестве обозначения конкретного этноса (даже само название страны Иран (иран-замин, шахр-е Иран) было возрождено только в XIII веке при монголах) и, во-вторых, границы распространения персидского как разговорного языка были изначально ограничены только в средневековых пределах Хорасана.

Что же привело к тому, что персидский все-таки стал общенациональным и государственным языком Ирана? Прежде всего, надо отметить, что, не будучи разговорным для большей части страны, он был почти единственным языком литературы и науки — арабский по большей части применялся для составления теологических трактатов в религиозных семинариях. Историографические, географические и иные труды, написанные по-арабски, вскоре переводились на персидский. Кроме того, персидский был и языком образования: во всех образовательных центрах, наряду с изучением Корана и образцов мусульманской словесности на арабском, читали «Шахнаме» и произведения других персидских поэтов. Умение читать, понимать и комментировать персидскую поэзию всегда было признаком высокой культуры в Иране. И, наконец, некий разговорный вариант персидского литературного койне — видимо, уже со времен Саманидов — был средством общения между носителями различных диалектов на всей территории «Арийского простора», а позднее — и на значительной части Индийского субконтинента.

Таким образом, становление персидского в его нынешнем статусе — ре-

⁴ О формировании персидского языка см. сборник статей разных лет профессора Жильбера Лазара: Gilbert Lazard, La formation de la langue persane, Paris, 1995.

⁵ О зороастрийцах Ирана с подробной библиографией см.: G.S. Asatrian, F. Vahman, Notes on the Language and Ethnography of the Zoroastrians of Yazd, Danish Royal Academy of Sciences and Letters, Copenhagen, 2002.

зультат вполне закономерных развитий, обусловленных историческими, культурными и лингвистическими предпосылками и — что важнее всего — идеей этнического и духовного родства в пределах единой цивилизации.

Итак, кто же такие «персы», якобы составляющие в настоящее время, как часто утверждается, магический 51% населения современной Исламской Республики Иран? По идее, это должны быть жители Персиды, т.е. Фарса, но таковых, по данным последней переписи населения 2006 г., — чуть больше 4 миллионов человек.

Даже если присовокупить сюда обитателей всех трех нынешних Хорасанов (Северного, Разави и Южного) — традиционно персоязычного края (менее 7 миллионов), то вышеупомянутого процента опять не получится.

Возможно, при определении так называемого этнического состава населения учитывался языковой критерий — наряду с городскими жителями, говорящими преимущественно на персидском, в состав «персов» были включены и прочие ираноязычные группы страны?

Если это действительно так, то возникает вопрос: на каком основании в ираноязычную среду не попали, к слову, курды и белуджи? Ведь языки гилянцев, талышей, мазандаранцев, семнанцев, южно-татских общин, гуран, жителей Башагарда и приморья Персидского залива, целых ареалов в провинции Исфахан в центральном Иране и т.д. в не меньшей степени отличаются от персидского, чем курдский и белуджский. Это не менее оформленные языки, обладающие стройной грамматической системой и словарем, порой куда более богатым исконно иранской лексикой, нежели словарный состав курдского или белуджского. К тому же, если уж говорить о письменности, то наиболее ранняя литературная традиция после персидского принадлежит мазандаранцам, ни курдам, и ни белуджам (см. выше, Гл. I, 2). При этом, степень владения персидским и употребления его в общественной жизни у всех носителей перечисленных диалектов одинакова. Как курды и белуджи, так и, скажем, гилянцы и семнанцы в кругу семьи говорят на своих наречиях, а вне дома — по-персидски.

Тогда, быть может, выделение из всей ираноязычной массы курдов и белуджей — попытка «учесть» их «национальное» самосознание? В этом случае, оставляя в стороне вопрос о том, что главным маркером идентичности этих групп и по сей день остается племенная принадлежность, а «национальное» самосознание им усердно прививается извне, отметим, что локальные, земляческие сентименты, как и «национальные» чувства, в той или иной степени присущи всем названным мною выше группам, однако характеризуются они в зависимости от политической конъюнктуры по-разному: скажем, что для бахтияра или мазандаранца — местничество, для курда, белуджа или «азербайджанца» — борьба за независимость.

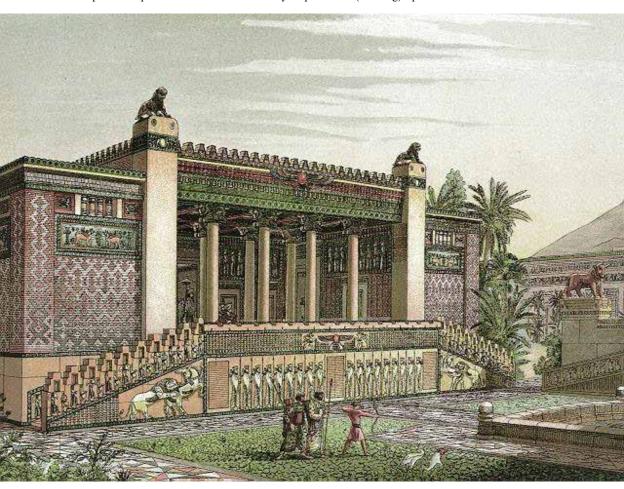
Ясно, что в таком дифференцированном подходе к выделению составных частей народонаселения Ирана можно усмотреть лишь политическую подоплеку.

И на самом деле — по всем названным параметрам курды и белуджи также должны быть причислены к «персам». Но дело в том, что в Исламской Республике Иран нет ни одного человека, который бы идентифицировал себя с этим призрачным этносом⁶. Никто не скажет man fārsam, т.е. «Я — перс», а только man \bar{i} ra \bar{i} n \bar{i} am — «Я иранец».

Причем, самоидентификация «иранец» — отнюдь не искусственный ярлык, привитый насильственно или посредством пропаганды. Это — естественное выражение чувства принадлежности к единому народу, что, как мы старались показать, имеет глубокие исторические и генетические корни и зиждется на прочном фундаменте тысячелетнего национального бытия в пределах одного и того же государства. Именно поэтому принятое в Иране определение населения по религиозному принципу, а не по этническому, является не выражением злого политического умысла властей, а следствием адекватного подхода к предмету. Иначе невозможно. Трудно искусственно расчленить единое целое.

Обычные мерки идентификации этносов абсолютно не применимы к Ирану. По сути, нет более глупого определения сегодняшнего Ирана, чем утверждение о «многонациональности» этого государства.

⁶ Вот отрывок (параграф) о «персах» из справки об «этнических и религиозных меньшинствах Ирана», подготовленный для членов комитетов Конгресса США (Prepared for Members and Committees of Congress) «Исследовательской службой Конгресса» (Congressional Research Service), ясно показывающий уровень того знания об Иране, которое сегодня циркулирует в политических кругах Америки. Перевод — дословный, сохранены примитивный стиль и словоупотребление (wording) оригинала.

Хасан Кяраби

Реализм группы «5+1» на земле Абая

одном из угловых залов на втором этаже Национального музея Казахстана в Алма-Ате можно увидеть красиво раскрашенную глиняную посуду, голубые изразцы с орнаментом и древние книги. Все это является живым напоминанием об иранской цивилизации на казахской земле. В отличие от других залов, отражающих череду постоянных войн казахов с другими народами, этот повествует о богатой и миролюбивой культуре иранцев. Именно такие памятники иранской культуры и цивилизации в разных частях Средней Азии и общие исторические корни заставляют великие народы этого региона отзываться об иранцах с неизменным уважением.

От Национального музея рукой подать до отеля «Риксос», где впервые в Средней Азии состоялись переговоры Ирана с группой «5+1». Похоже, что на этих переговорах впервые было признано право Ирана на обладание мирным атомом. Новый раунд переговоров снова пройдет в Алма-Ате 5 апреля текущего года, когда в Казахстане будут еще проходить празднования по случаю иранского Нового года, известного как Ноуруз.

В связи с этим весьма интересно остановиться на роли Казахстана в международной ядерной политике и причинах, побудивших дипломатов провести очередной тур переговоров именно в этой стране. Кроме того, особо важным является провести хотя бы краткий анализ результатов алма-атинской встречи представителей Ирана с дипломатами стран «шестерки».

Казахстан в международной ядерной политике

После крушения социалистического режима Казахстан унаследовал внушительный ядерный арсенал и неожиданно для себя оказался четвертой ядерной державой в мире. Казахстанские политики, озабоченные тем, чтобы их страна заняла свое место в мировом устройстве, не были заинтересованы в сохранении такого проблемного оружия. Поэтому в самые первые годы своей независимости Казахстан вместе с Беларусью и Украиной передал России все свое ядерное оружие и боеголовки. Вслед за этим Казахстан закрыл расположенный на своей территории Семипалатинский ядерный полигон, а год спустя в 1993 присоединился к Договору о нераспространении ядерного оружия.

Тем не менее, советское ядерное наследство было столь велико, что Россия, которой тогда руководил Борис Ельцин, оказалась не способной его выкупить целиком. Ввиду этого Казахстан пошел на заключение тайного соглашения с Соединенным Штатами, известного как проект «Сапфир», по которому передал этой стране оставшийся уран высокой степени обогаще-

ния. Наконец, в 1999 году по причине изношенности оборудования казахстанские власти закрыли единственную свою атомную электростанцию в порту Актау. С тех самых пор это государство, располагая значительными запасами урана, сделало своей целью стать активным игроком на рынке ядерного сырья. Увеличив добычу природного урана, с 2009 года Казахстан стал крупнейшим в мире экспортером этого сырья. Важно отметить, что в недрах этой страны содержится 19% мировых запасов урана. В 2012 году Казахстан экспортировал 20 тысяч тон природного урана и поэтому играет ключевую роль в мировых поставках ядерного топлива.

Таким образом, в последние годы Астана значительно укрепила свое положение на международной арене и даже пришла к мысли о том, что экспорт ядерного сырья полностью не обеспечивает национальные интересы и необходимо приступить к реализации более серьезных проектов. В 2010 году Казахстан предложил Международному агентству по атомной энергии открыть у себя первый в мире Международный банк ядерного топлива. Согласно этому проекту, предложенному вначале бывшим того директором МАГАТЭ Мохаммедом эль-Барадеи, банк ядерного топлива низкой степени обогащенности должен был обеспечивать работу ядерных реакторов разных государств и тем самым избавить их от необходимости обогащать уран на собственной территории. Однако некоторые развивающиеся страны считают данный план попыткой ряда атомных держав установить свою монополию и поэтому не проявляют к нему особый интерес. Тем не менее, Казахстан надеется получить в 2013 году согласие на свое предложение и таким образом обойти собственных конкурентов. По этой причине накануне встречи представителей Ирана и стран «шестерки» в Алма-Ате некоторые западные средства массовой информации активно обсуждали возможность создания в Казахстане банка ядерного топлива.

С другой стороны, одновременно с увеличением потребностей Казахстана в энергии руководство этой страны разработало долгосрочный план строительства собственных атомных электростанций и даже провело недавно переговоры по этой теме с некоторыми российскими и японскими компаниями. Строительство АЭС, на котором так настаивает президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, в значительно мере снизит зависимость этой страны от ископаемого топлива. Данный пункт ядерной стратегии Казахстана является одним из важнейших направлений внешней политики этого государства. Сейчас у Казахстана имидж передовой страны в сфере ядерного разоружения (так, по крайней мере, принято считать на Западе), поэтому представителей этой страны приглашают на важные саммиты, посвященные ядерной проблеме, такие как встречи глав пяти ядерных держав в Вашингтоне в 2010 году и Сеуле в 2012. Пользуясь этим, Астана смогла в значительной степени повысить свой международный престиж. Данный факт доказывает то, что в 2013 году президент Назарбаева получил приглашение принять участие в саммите «большой двадцатки».

Казахстан и ядерная проблема Ирана

В то время, как в последние годы неправовое давление Запада на Иран набирает все большую силу и почти не встречает никаких препятствий при полном молчании большинства стран мира, Казахстан предпринимает по-

пытки занимать сдержанную позицию и выносить относительно объективные суждения. Казахстанский президент, многократно высказываясь по данной проблеме, подчеркивает, что Иран имеет право использовать ядерную энергию в мирных целях, оставаясь в рамках Договора о нераспространении, и упрекает Запад в двойных стандартах. В своем интервью российскому информационному агентству «РИА-Новости» в ноябре 2011 года Назарбаев заявил, что его страна выступает за мирное решение иранской ядерной проблемы и не поддержит резолюцию, санкционирующую применение силы против Исламской республики. Более того, президент Казахстана подверг критике руководство Пакистана и Израиля за то, что факт наличия у них ядерного оружия противоречит существующим международным нормам.

Именно такая взвешенная позиция Казахстана стала залогом согласия Ирана на проведение очередного раунда переговоров в Алма-Ате. Как отметил заместитель министра иностранных дел Ирана Аббас Аракчи, Казахстан относится к числу тех стран, которые не поддерживают односторонние санкции США против Исламской республики. В действительности, государства, которые самым деятельным способом поддерживают линию Запада и проявляют враждебность по отношению к иранскому народу, не могут быть беспристрастными посредниками и принимающей стороной на переговорах. Кроме того, проведение подобной встречи на высшем уровне привлекает внимание мировых СМИ и общественного мнения к государству, которое принимает у себя ее участников. Так почему бы не отдать эту привилегию стране, дружественной Ирану?

Впервые о готовности Казахстана провести у себя переговоры Ирана с «шестеркой» заявил министр иностранных дел этой страны Ержан Казыханов. Это произошло весной прошлого года на встрече министров иностранных дел государств-членов Шанхайской организации сотрудничестве в Пекине. Данный вопрос обсуждался на встречах президента Казахстана с министром иностранных дел Ирана Али Акбаром Салехи в Астане в июне и сентябре 2012 года. Назарбаев заявил тогда, что его предложение мотивировано наилучшими побуждениями. С появлением в прессе информации о скором проведении нового раунда ядерных переговоров казахстанская дипломатия стала более активно добиваться согласия на проведение этой встречи на своей территории. Так, нынешний министр иностранных дел Казахстана Ерлан Идрисов в очередной раз заявил об этой заинтересованности своей страны на встрече с российским коллегой Сергеем Лавровом в Москве в январе этого года. Наконец, усилия казахстанских дипломатов увенчались успехом. После своей краткой беседы с Идрисовым на саммите глав мусульманских стран в Каире Салехи на встрече с некоторыми своими европейскими коллегами в рамках Мюнхенской конференции по безопасности договорился о проведении переговоров именно в Алма-Ате.

Между тем казахстанские политики предложили провести переговоры не в столице своего государстве, а в Алма-Ате. После переноса столицы Казахстана в Астану 14 лет тому назад руководство этой страны старается позиционировать Алма-Ату центром регионального и международного сотрудничества и по той же причине выдвинуло предложение открыть в этом городе региональное бюро Организации объединенных наций. Не вызывает никаких сомнений, что проведение ядерных переговоров в Алма-Ате сыграет ключевую роль в реализации данного проекта.

Алма-атинские переговоры — шаг вперед

По самым пессимистическим оценкам СМИ, после аналогичных переговоров в Москве и Багдаде алма-атинская встреча является, конечно, важным достижением, но ее результаты никак не повлияют на достижение такого соглашения, которое удовлетворяло бы все стороны. В общении с журналистами секретарь Высшего совета национальной безопасности Ирана Саид Джалили заявил, что позиция его партнеров по переговорам стала более реалистичной. В свою очередь, Верховный представитель Европейского Союза по иностранным дела и политике безопасности Кэтрин Эштон отметила положительные результаты последних переговоров и воздержалась комментировать особенно спорные вопросы. Следует отметить, что в Алма-Ате по большей части обсуждались проблемы, связанные с обогащением урана до 20%, а также работа иранского ядерного объекта «Фардо», что само по себе фактически означает признание права Ирана заниматься обогащением ядерного топлива до 5,3%.

Учитывая позицию западных представителей на переговорах в Алма-Ате, европейских столицах и Вашингтоне, создается впечатление, что всестороннее давление на Иран, особенно в последнее время, не дало ожидаемых результатов. Активизируя все свои возможности для введения так называемых парализующих санкций против Ирана, Запад рассчитывал, что Исламская республика пойдет на попятную. Однако сейчас он понял, что подобные враждебные меры не только обеспечивают национальное единство внутри Ирана, но и усиливают стремление этой страны реализовывать свою ядерную программу. С другой стороны, относительная гибкость Запада на алма-атинских переговорах после его беспрецедентного давления на Иран в прошлом году свидетельствует о том, что введение санкций исчерпало свою эффективность и сохранение нынешней ситуации не приносит западным странам ничего, кроме убытков в смысле политики и экономики. Как сказал Салехи, что еще они могут сделать?

Разумеется, на решение иранских оппонентов повлияли такие факторы, как проведение в Тегеране саммита глав стран неприсоединения в сентябре 2012 года, улучшающаяся ситуация в Сирии, а также активное участие иранского народа в праздновании 34-й годовщины Исламской революции в Иране. Правда, в настоящий момент наблюдается активизация сторонников усиления напряженностей в отношениях с Ираном, извлекающих из этого свои прибыли. Доказательством тому являются публикации некоторых западных СМИ, в частности, враждебная Ирану статья в лондонской газете Daily Telegraph от 1 марта нынешнего года. Несмотря на это, есть вполне веские причины надеяться, что в новом раунде алма-атинских переговоров, планируемых на апрель, группа «5+1» продолжит следовать своей реалистичной позиции.

Алма-атинские переговоры были важны для Ирана и с другой точки зрения. Дело в том, что Джалили провел встречи с президентом и министром иностранных дел Казахстана, на которых, помимо вопросов двустороннего сотрудничества, стороны обменялись мнениями по ключевым проблемам регионального развития. Не следуют упускать из виду тот факт, что специально для встречи с секретарем Высшего совета национальной безопасности Ирана Назарбаев прибыл из столицы в Алма-Ату, что в дипломатической практике случается крайне редко и свидетельствует о крайней важности данной проблемы для казахстанского руководства.

Финиан Каннингем

России нужно проснуться в вопросе о Сирии и Иране

акое ощущение, что российские руководители сбиты с толку конфликтом, бушующим в Сирии, чувствуя правильно, с одной стороны, что западные державы и их турецкие и арабские заместители ведут войну малой интенсивности ради смены режима. А с другой стороны, Москва странным образом

выглядит апатичной или безразличной в отношении преступных геополитических замыслов Запада.

То же самое и в отношении Ирана, где Россия (и Китай) продолжает участвовать в несостоятельном процессе изоляции Исламской Республики посредством бутафорских переговоров стран «5+1» о его суверенных ядерных правах.

Но сначала поговорим о Сирии. Посмотрите вот на это заявление российского министра иностранных дел Сергея Лаврова после кровавой бойни с помощью огромной бомбы в прошлом месяце, которая уничтожила 53 жизни, включая женщин и детей, рядом с российским посольством в сирийской столице Дамаске.

22 февраля агентство «Рейтер» сообщило о том, что Лавров «разочарован» американскими «двойными стандартами» в том, что это массовое убийство не было осуждено. Касательно отсутствия осуждения со стороны Вашингтона самый высокопоставленный российский дипломат прокомментировал: «И мы видим в этом очень опасную тенденцию со стороны наших американских коллег — отхода от фундаментального принципа безоговорочного осуждения любого террористического акта, принципа, который обеспечивает единство международного сообщества в борьбе против терроризма».

Постойте-ка. Что это за разговоры об «американских коллегах» и «единстве международного сообщества в борьбе против терроризма»? Это зверство в Дамаске было без сомнения работой поддерживаемых Западом террористов, которые финансируются, вооружаются и направляются западной военной разведкой, чтобы уничтожить правительство президента Башара Аль-Асада.

Такого рода массовое убийство людей без разбора стало стандартной методикой действий армии западных посредников для реализации давних планов Запада по смене режима в Сирии.

Несмотря на циничные заявления Вашингтона, Лондона, Парижа и Берлина о поставках «только не-летального» военного снаряжения сирийским боевикам, Россия прекрасно осведомлена, что эти западные правительст-

ва до зубов вооружают сеть убийц и занимаются материально-техническим обеспечением и снабжают их разведданными, чтобы содействовать террору против гражданского населения. Ранее Россия сама подчеркивала и осуждала снабжение воооруженных группировок американскими зенитными ракетами.

Так что давайте освободимся от иллюзий по поводу «коллег, сражающихся с международным терроризмом». Эти так называемые «коллеги» содействуют терроризму посредством сильно изношенных западных каналов — Аль-Ка-иды и других поддерживаемых саудами экстремистских наемников.

Россия (и Китай) должны бы знать об общей картине на настоящий момент. Спектакль «войны с террором» после 11/09 не имеет ничего общего с «международной борьбой против терроризма», зато у него много общего с разграничением западными капиталистическими державами под руководством Америки новых глобальных сфер влияния. Ирак, Афганистан, Ливия, Сомали, Сирия, Мали — все они являются частью непрерывного стратегического замысла Вашингтона о господстве «полного спектра» в богатых ресурсами регионах.

Экспансия баз НАТО на территорию бывших республик Советского Союза, наступление ракетных систем на границы России и угрожающее военное окружение Китая также являются частью этой движущей силы, в которой воспринимаемые геополитические соперники должны быть подорваны, окружены и подчинены. Западные псевдо-»войны против терроризма» или «ответственность защищать», распространившиеся на Азию и Африку, настолько же связаны с захватом ресурсов этих континентов, насколько с попиранием экономических интересов России и Китая.

Сирия предоставляет единственную военно-морскую базу России, в Тартусе, давая доступ к стратегически важному Средиземному морю и богатому нефтью Ближнему Востоку. Понятно, что западные державы хотят выдавить Россию оттуда, ликвидировав правительство Асада в Дамаске и установив марионеточный прозападный режим.

И тем не менее, вместо осуждения Вашингтона и его союзников за преступную агрессию Москва, по-видимому, предается иллюзиям, что США и других преступников НАТО можно урезонить. Например, на прошлой неделе Сергей Лавров встречался с новым госсекретарем США Джоном Керри в Берлине, в то время как президент Владимир Путин устраивал прием французскому коллеге Франсуа Олланду в Москве для переговоров по Сирии.

Но вместо того, чтобы потакать политическим уловкам, России и Китаю следовало бы использовать их общее несомненное влияние на мировой арене, чтобы разоблачить и осудить западные правительства за их преступления против челочечности и международного мира в Сирии и в других местах. Более того, Москве и Пекину следовало бы оказывать прямую военную помощь Дамаску, без каких-либо оправданий.

Очевидно, что преступные западные державы понимают только один язык — язык силы, а не дипломатической риторики. Если западные режимы могут быть настолько беззастенчивыми, что вооружают и поддерживают террористов, которые взрывают начиненные взрывчаткой в 1,5 тонны автомобили в центре Дамаска, нацеливаясь на российские государственные интересы, то тогда Москве нужно быть такой же беззастенчивой в ответной поддержке Сирии.

По вопросу Ирана России и Китаю также нужно срочно подтянуть свою игру и вернуться к реальности. В течение более чем десяти лет Ирану угрожают войной и бьют его незаконными санкциями, и все это в связи с совершенно фальшивыми утверждениями западных государств, что Иран тайно использует свою ядерную программу в военных целях.

Это ложное обвинение Запада как предлог для преступной агрессии против Ирана постоянно повторяется, как заезженная пластинка.

Госсекретарь США Джон Керри сказал о недавних переговорах стран «5+1» в Казахстане в конце прошлого месяца: «Иран знает, что ему нужно сделать, президент ясно выразился о своей решимости реализовать свою стратегию, которая заключается в том, что Иран не получит ядерное оружие».

Керри либо плохо проинформирован, либо, что вероятнее, цинично раскручивает пропагандистское колесо фортуны. Оценка национальной разведки США, множество их шпионских служб и их израильские заместители даже не притворяются, что верят в эту сказку об Иране как ядерной угрозе. Россия также должна знать это. Она была тесно связана с развитием иранской гражданской ядерной индустрии в Бушере в течение последних 16 лет.

Так почему же Россия и Китай продолжают придавать этой пародии на международные отношения и суверенные права дальнейшую легитимность, участвуя в препирательствах в рамках «5+1»? В эту самозванную группу входят США, Британия, Франция, Германия, Россия и Китай. Кто такие эти вооруженные ядерным оружием державы, чтобы диктовать другим, особенно учитывая историю западных субъектов с их геноцидными войнами и международным произволом?

Эта клика не могла бы продолжать потчевать всех своими вымыслами по поводу ядерных намерений Ирана, если бы Россия и Китай просто вышли из группы — что им и следует сделать.

И Москва, И Пекин выражают свою поддержку Ирану в отношении его права на развитие гражданской ядерной программы. Поэтому этим державам следует сделать так, чтобы их слова не расходились с делом, и настоять на неотъемлемом праве Ирана, а не обеспечивать легитимность дымовой завесе, скрывающей удушение Ирана.

Иран и Сирия — это часть тех же самых империалистических движущих сил западных капиталистических держав, которые ведут войны по всему миру ради своих эгоистичных и преступных интересов. Россия и Китай в перспективе являются мишенями этих движущих сил. Хотя бы ради собственной самозащиты Москве и Пекину следует провести более ясный анализ геополитического контекста и увидеть, что западные державы являются агрессивными противниками.

Военная защита Сирии и настойчивое требование прекратить незаконные санкции против Ирана станут началом более реалистичного мышления и политики, которые могли бы восстановить видимость закона и порядка в мире.

Россия и Китай несут большую ответственность за мир на планете. Им нужно начать немедленно действовать в этом направлении, сформировав реалистичный оборонительный союз с Сирией и Ираном.

Зачем разговаривать с поджигателями, когда дом горит?

Михаил Агаджанян

Пожелания США и отклики Индии: «стратегический диалог» против Ирана в действии

ран продолжает сталкиваться с трудностями вокруг поставок своей нефти на внешние рынки. Запад нашел «болевую точку» Тегерана и теперь шаг за шагом склоняет его крупнейших нефтяных партнеров к пересмотру действующих контрактов. Особое внимание на нынешнем эта-

пе уделяется Индии, занимающей вторую строчку в списке главных импортеров иранской нефти. Открыто давить на Индию ни США, ни, тем более, иные субъекты из евроатлантического лагеря не могут. В ход идет тонкая игра по демонстрации Нью-Дели плюсов от сотрудничества с Западом и прежде всего с США.

Возможный отказ Индии от услуг нефтяного экспорта Ирана связывается с фактом отсутствия страхового покрытия как при транспортировке (танкерные перевозки), так и при переработке иранского сырья на индийских нефтеперерабатывающих заводах. Представители бизнес-сообщества Индии отмечают, что если не будет страхового покрытия, то всем НПЗ в стране придется остановить поставки из Ирана.

На кону внушительные объемы сотрудничества двух стран. Иранские поставки нефти в Индию оцениваются в \$1 млрд ежемесячного оборота. Двусторонние контракты до последнего времени обеспечивали 12% потребностей Индии в нефти и около 25% всего экспорта иранского углеводорода.

Запад готов оказать Индии поддержку в вопросе замещения иранской нефти на эквивалент из других стран ОПЕК. Недавно агентство «Bloomberg» указало на ведущиеся между Нью-Дели и столицами арабских монарий Персидского залива переговоры об увеличении поставок нефти с 1 апреля текущего года. Если верить данным агентства, Саудовская Аравия, Кувейт и Ирак выразили предварительное согласие направить в Индию дополнительные объемы нефти.

Нефтяные аналитики уже подсчитали стоимостное выражение потерь для бюджета Ирана в случае отказа Индии от его «черного золота» — порядка \$11,5 млрд в год.

Интерес Ирана к индийскому рынку поставок стратегического углеводорода все прошедшие годы носил принципиальный характер. За последние два

года перед двумя странами возникали трудности, чаще всего финансового свойства, вокруг поставок и оплаты нефти. К примеру, летом 2011 года наиболее остро стоящая перед Нью-Дели и Тегераном проблема выражалась в сложностях осуществления платежных транзакций. Был период, когда оговоренные контрактами поставки нефти в Индию были осуществлены иранской стороной, но последняя не могла получить деньги за поставленный товар в виду наложенных на Иран санкциями ограничений по банковским операциям. Но, трезво оценив ситуацию, Тегеран держался всеми силами за индийский рынок, дабы не упустить из-за временных, как тогда казалось, сложностей крупного торгового партнера.

Однако, проблемы вокруг продолжения нефтяных связей Ирана с Индией на предыдущем уровне не были обусловлены лишь тактическими соображениями. Есть более важные причины растущей склонности Нью-Дели откликнуться на пожелания Запада, чем в целом легко решаемые вопросы по страховому покрытию рисков.

Возможный отказ Индии от нефтяных услуг Ирана с последующей переориентацией на ресурсы арабских членов ОПЕК — это только одно конкретное проявление политики США по выстраиванию с Индией тесных стратегических отношений. На прошедшем в Вашингтоне в июне прошлого года третьем раунде «Стратегического диалога США — Индия» американские представители обратили внимание своих индийских партнеров на то, что «число встреч в конечном счете не так важно, как качество достигаемых результатов» и «эффективность нашего партнерства зависит от нашей способности конвертировать общие интересы в совместные действия» (из выступления на форуме тогдашнего госсекретаря США Хиллари Клинтон).

Индийские партнеры не заставили США долго ожидать конкретных результатов от нареченного стратегическим двустороннего сотрудничества. Дело в том, что в тесных связях с Вашингтоном не в меньшей степени нуждаются политическая и деловая элиты южноазиатской державы. Индия проявляет особый интерес к обладанию Соединенными Штатами новейшими технологиями в тех сферах, которые она сделала приоритетными для собственного экономического развития. Связка США-Индия, образно говоря, через

В тесных связях с Вашингтоном не в меньшей степени нуждаются политическая и деловая элиты южноазиатской державы «Силиконовую долину» (сотрудничество в IT-сфере) приносит свои плоды в виде поступательного извлечения индийцами экономических выгод от сотрудничества с американцами. Индия крепко завязана на сотрудничестве с США в сфере высоких технологий. Это выражается и в значительном присутствии индийского капитала и интеллектуальных ресурсов в «Силиконовой долине» США и в востребованном перенятии индийцами опыта создания так называемых НІТЕС-городов на своей территории. В условиях Индии перенятие подобного опыта у американцев дает незаменимые возможности для интеграции значительного (даже

по индийским меркам) 160-миллионного мусульманского населения страны в индийский социум и повышения его социального уровня. Создание в городе Хайдерабад, административном центре индийского штата Андхра-Прадеш, в котором мусульманское население составляет около 10%, растя-

нувшегося на 610 кв. км индийского чуда нового века в виде HITEC-города (HITEC City — Hyderabad Information Technology Engineering Consultancy City) позволило федеральному правительству в Нью-Дели решить многие социальные и этноконфессиональные проблемы.

Экономическая связка через высокие технологии ведет к пониманию индийцами и выгод от внешне- и военнополитического взаимодействия с США. Зажатость Индии между миром ислама на Западе и китайским миром на Востоке, а также объективные трудности страны у себя внутри (прежде всего этноконфессиональная мозаичность населения и остающиеся значительные перекосы в социальном плане — линия разлома «очень богатые и очень бедные») подталкивают ее к поиску глобальных партнеров, имеющих потенциал к нейтрализации угроз и вызовов индийской государственности. В Нью-Дели растут настроения по поводу того, что только политическое взаимодействие с США может защитить страну от двух естественных оппонентов на Западе и Востоке. А углубление экономического сотрудничества с США может выправить социальные диспропорции страны, поднять общий уровень благосостояния индийцев до отметки южноазиатского «среднего класса». Индийцы мыслят в русле введенного им понятия «стратегическая автономность». Индия настолько окрепла в глобальном масштабе, что может позволить себе автономность в отдельных, принципиальных для нее внешнеполитических вопросах. Но, учитывая серьезные вызовы с западного (сложные отношения с Пакистаном) и восточного (Китай) направлений, Индии еще несколько десятилетий «не грозит» перспектива стать самодостаточной державой, не нуждающейся во внешней опоре на США.

Отсюда, в отношениях Индии и США в предстоящие годы следует ожидать задействование условной схемы «выдвижение пожеланий — их удовлетворение или отклонение». Ныне это нашло свое проявление вокруг темы ограничения нефтяного экспорта Ирана в Индию. Вашингтон выдвинул пожелание, Нью-Дели отреагировал в том ключе, что оно вполне реализуемо.

Бехзад Каземи

Доктрины и стратегии Запада по отношению к Ирану, части 1-3

настоящее время Исламская Республика Иран является самым главным врагом Запада, особенно Соединенных Штатов Америки. С самого начала революции в 1979 году США тратят колоссальные средства для уничтожения исламского Ирана. О степени ненависти врагов Ирана как нельзя лучше говорят их злокозненные планы. Ядерная проблема Ирана в последние годы стала первым фронтом «мягкой войны» Ирана и Запада.

Всю серьезность проблемы можно осознать, рассмотрев прошлое внешней политики США. В конфронтации с Советским Союзом в годы холодной войны в 1945—1990 годах эта страна оперировала только тремя доктринами: «массированное возмездие», «гибкое реагирование» и «гарантированное взаимное уничтожение». Однако по отношению к Ирану в период с 11 сентября 2001 до 2011 США реализовали целых 11 доктрин и стратегий. Другими словами, по отношению к такой сверхдержаве, как Советский союз, США меняли доктрину в среднем каждые 15 лет, а по отношению к Ирану — каждый год, хотя все они оказались неудачными.

Перечислим в хронологическом порядке доктрины, применяемые Соединенными Штатами по отношению к Ирану: «Морковки и кнута» (2001-2002), «Хороший полицейский, плохой полицейский» (2003), «Механизм спускового курка» (2004), «Шок и трепет» (2005), «Стратегия цыпленка» (2005), «Стратегия лягушки» (2006), «Нью-йоркский грипп» (2007), «Стратегия постоянной парадигмы» (2008), «Ядовитая морковка» (2008), «Аякс-2» (2009) и «Медея» (2010).

Таким образом, очевидно, что решение ядерной проблемы Ирана является для Запада более сложным, затратным и изнурительным процессом, чем развал Советского Союза.

Запад постоянно меняет свои тактики и стратегии, а на введение стратегии надо отвечать своей стратегией, атакую вражескую.

1. Стратегия «морковки и кнута»

Объявив одновременно Иран и Ирак частью «оси зла», Белый дом приступил к реализации стратегии «морковки и кнута». Согласно этой стратегии, объект влияния, то есть конкретная страна, воспринималась как «дикая лошадь», которую предстояло «укротить». Проголодавшееся животное подкупают морковкой, но как только она съедает немного, ее начинают бить кнутом. Это процесс продолжается до тех пор, пока не удастся полностью укротить лошадь. Такая доктрина по отношению к саддамовскому Ираку принесла свои плоды меньше чем через 14 месяцев, однако Иран ей не поддался. Ни кнут США и Израиля, ни морковка Европейского Союза не подействовали. В качестве морковки члены ЕС Германия, Великобритания и Франция предлагали Ирану ряд преимуществ, за которые США и Израиль били своим кнутом. В качестве примера

такой стратегии можно привести события 2003 года. 21 октября между Ираном и тремя европейскими странами был подписал Саадабадский договор, по которому Исламская республика для решения своей ядерной проблемы получила вознаграждение за свое согласие принять дополнительный протокол к Договору о нераспространении. 10 ноября 2003 года Иран подписал этот протокол. В соответствии с доктриной «морковки и кнута», принятие по директиве США 16 декабря 2003 и 15 марта 2004 второй и третьей резолюций в Совете директоров стали тем «кнутом», которым отхлестали Иран. Как видим, Запад берется за «кнут» уже через месяц после того, как угощает «морковкой».

2. Стратегия «хороший полицейский, плохой полицейский»

После краха доктрины «морковки и кнута» позиция Запада смягчилась и приобрела лоск закона. В международном праве существует некий закон, исполнение которого гарантирует «мировое полицейское подразделение», состоящее, между прочим, из армий западных стран. Это глобальное «полицейское ведомство» представлено двумя полицейскими: хорошим и плохим. Великобритания, Франция и Германия как «хороший полицейский» препятствуют развитию иранской ядерной программы и требуют приостановить исследования и технологические работы. Они заявляют: «Согласитесь на наши требования, а иначе сейчас на машине с сиреной приедет «плохой полицейский» (США и Израиль) и силой заставит вас подчиниться». Европейские переговорщики отчетливо доказали свою приверженность данной стратегии на встрече в Париже 15 ноября 2004 года, когда они упорно настаивали на приостановлении всякой ядерной активности Ирана.

«Стратегия цыпленка» (или «стратегия труса», от английского chick «цыпленок», «трус») берет свое название от распространенной среди американской молодежи автодуэли «игра в цыпленка» (chicken game). По правилам этого поединка два автомобилиста едут друг на друга на высокой скорости посередине дороги. Если один из участников, предвидя неминуемое столкновение, изменит направление движения, он будет считаться «цыпленком» (то есть трусом), и значит проигравшим поединок. Такая автодуэль может иметь разные модификации. Участник «игры в цыпленка», проводимой глубокой ночью, может надеть солнцезащитные очки, специально выпить виски или снять руль с автомобиля. Таким образом, он демонстрирует намерение продолжать движение до конца, то есть до полного столкновения с противником.

Подобного рода поединок может закончиться одним из трех вариантов: 1) противники будут двигаться друг на друга и в итоге столкнутся, 2) один из них уступит и объедет противника или, если дорога узкая, остановится и включит заднюю скорость и 3) оба уступят и затормозят.

3. «Стратегию цыпленка» взяли на вооружение и США, и Иран. Президентские выборы в Исламской республике в 2005 году не только нанесли поражение американской стратегии шока и трепета, исключив возможность розовой революции, но и привели к власти активных политиков, сменивших прежних пассивных деятелей. Между Ираном и США началась своеобразная «игра в цыпленка», грозившая каждое мгновение лобовым столкновением. Оба государства оказались в позиции дуэлянтов, которые стремятся заставить своего противника сдаться, но сами не готовы идти ни на какой компромисс. Заявления нового генерального секретаря Высшего совета национальной безопасности Ирана от 26 августа 2005 года о непреклонном намерении реализовать свои права на получение ядерной энергии, восьмая резолюция Совета управляющих

МАГАТЭ от 25 сентября и принятие 22 ноября закона, отменяющего сотрудничество с Агентством в случае направления ядерного досье Исламской республики в Совет Безопасности ООН, — все это демонстрация той же бескомпромиссной «стратегии цыпленка», которой следовали Соединенные штаты и Иран.

Концепция данной стратегии сводится к тому, что обе противоборствующие стороны имеют большие шансы на победу или поражение и гипотетически готовы к любому исходу. В случае Ирана и США таким исходом могла бы стать полномасштабная война. Демарши обеих стран в 2006 году доказали готовность Тегерана и Вашингтона до конца отстаивать собственные принципы. На протяжении последних пяти лет демонстрация «стратегии цыпленка» всякий раз угрожала военным столкновением. Однако с постоянным увеличением негативных последствий от возможного конфликта, он становится все менее вероятным. Аналогичная стратегия осуществлялась Соединенными штатами и Советским Союзов в период Карибского кризиса, который длился два месяца и закончился компромиссом. Спустя много лет Роберт Макнамара, бывший в ту пору министром обороны США, заявил, что в случае военного исхода того кризиса могли погибнуть 200 миллионов человек. На сегодняшний момент «стратегия цыпленка» длится более пяти лет, являясь самым долгим противостоянием подобного рода в истории.

В случае начала военного конфликта Ирана и США, к нему подключатся более 18 других государств, поскольку при битве двух титанов разрушается все вокруг.

4. Стратегия «вареной лягушки». Если вы захотите приготовить живую лягушку, ее не получится бросить сразу в кипящую воду, потому что она сразу выпрыгнет оттуда. Поэтому сначала ее помещают в холодную воду, которую постепенно нагревают до тех пор, пока бедное создание не поймет, что ее готовят на обед, но уже не сможет выпрыгнуть и будет вынуждена покориться своей горькой судьбе.

В качестве удачного примера такой стратегии можно привести Саддама Хусейна, который, как лягушка, сидел в котле международной дипломатии, постепенно нагревавшемся одно-два десятилетия до тех пор, пока вдруг иракский президент не обнаружил, что попал в военную ловушку США, из которой ему уже не выбраться.

Подобную стратегию «вареной лягушки» Соединенные Штаты вместе со своими союзниками стали применять против Ирана начиная с зимы 2006 года. Указывая на это, американский журнал Тіте пишет, что дипломаты США, Великобритании, Франции и Германии в рамках «стратегии лягушки» и постепенного давления на Иран разработали три этапа действий. Во-первых, они должны были вынудить Исламскую Республику добровольно прекратить всяческую ядерную деятельность. Во-вторых, в случае отказа Тегерана идти на компромисс, эти страны должны были обриться к Совету Безопасности ООН с просьбой принять решительные меры. Наконец, третьим этапом должны были стать переговоры с целью получения разрешения на замораживание банковских счетов иранского правительства, а также подготовка условий для еще большего давления.

«Стратегия лягушки», инспирированная в 2006 году, направлена на уничтожение Ирана на международном уровне. Экстренное заседание Совета управляющих МАГАТЭ 4 февраля 2006 года и принятие девятой резолюции и — что еще важнее — направление ядерного досье в Совет Безопасности были предприняты в рамках реализации все той же доктрины. Ее продолжением стало

подписание в Совете Безопасности самых жестких антииранских резолюций от 31 июля и 23 декабря того же года и активная пропагандистская война против Ирана. С этого момента начался процесс иранофобии, осуществлявшийся, правда, и ранее, но не в столь широких масштабах. Негативный образ Ирана в голливудских фильмах стал выступать еще более отчетливо. Согласно такой стратегии, Иран должен был, как лягушка, оказаться в кипящем котле мировых событий и «свариться заживо».

Отдельные элементы «стратегии лягушки» стали применяться против Ирана еще с периода президентства Джорджа Буша старшего. С приходом к власти демократов президент Билл Клинтон стал придерживаться доктрины двойного сдерживания Ирана и Ирака, которая считается первым шагом на пути к реализации «стратегии лягушки». В 1997 году вице-президент США Альберт Гор в ответ на вопрос, какой план действий в отношении Ирана приняли демократы и республиканцы, признался: «Мы раздавим Иран. Мы так сожмем его в объятьях, что он задохнется». Такого, разумеется, не произошло. Иран сумел выстоять, а Запад на сегодняшний день довольствуется только военно-экономической «блокадой».

В реализации «стратегии лягушки» против Ирана обращают на себя внимание несколько моментов. Ее выбор означает крах (или временный отход) от «стратегии страх и трепет», которая активно использовалась Западом в осуществлении проекта реформ в странах Ближнего Востока и готовилась к применению против Ирана. Сделав ставку на «стратегию лягушки», Запад пока что отказался от «стратегии страха и трепета», либо делает вид, что отказался.

Чего же ожидал Запад от новой стратегии и как себе представлял то, что происходило в Иране?

«Стратегия лягушки» эффективна против той страны, которая «слабо осязает» происходящие вокруг нее «температурные» изменения международной политики. Адекватная оценка Ираном политических проблем соседних стран региона и своевременное реагирование на них обрекли на провал очередную стратегию Запада. Перечислим те параметры, по которым «стратегия лягушки» потерпела фиаско.

1. Оккупированная Палестина

На последних выборах палестинский народ проявил свое доверие Хамасу, невзирая на угрозы и подкуп США и сионистского режима, что говорит о провале плана «Дорожная карта» (при том, что Ариэль Шарон по-прежнему находится в коме).

2. Оккупированный Ирак

Неожиданностью для всех стала победа шиитов на выборах в Ираке, где при псевдо-демократическом режиме у власти стоит невзрачное полутайное правительство с пятью тысячами сотрудников американского посольства в Багдаде, выполняющих миссию Распутина. Между тем, спустя тысячу дней после оккупации Ирака число партизанских атак в этой стране превысило шесть тысяч. Если к этому еще прибавить тысячу операций афганских ополченцев, совершенных за тот же промежуток времени, то получится, что военная машина США и Великобритании явно дает серьезный сбой.

3. Латинская Америка

Под носом у Соединенных Штатов, придерживающихся «доктрины Монро» («Америка для американцев»), множатся режимы наподобие кубинскому. Венесуэла Уго Чавеса и Боливия Эво Моралиса — это последователи Кубы Фиделя Кастро, смерти которого так ждут в Вашингтоне. Практика показывает, что чем прозрачнее и демократичнее выборы в латиноамериканских страна, тем больше поражений терпят на них прозападные силы.

4. Северная Корея

27 января 2006 года КНДР объявила, что до окончательной отмены санкций она прекращает любые переговоры с Соединенными Штатами. Данный факт подтверждает крах «стратегии лягушки», которая, по странной случайности, проводилась по отношению к Пхеньяну после его объявления частью «оси зла» зимой 2002 года.

5. Сирия

«Стратегия страха и трепета», применяемая в адрес Сирии после загадочного убийства Рафика Харири, пока не принесла Западу значительных успехов. Если Дамаск продолжит свое сопротивление, данная стратегия однозначно обречена на провал.

6. Инлия и Пакистан

Эти две южноазиатские страны все также конфликтуют с Соединенным Штатами по поводу строительства иранского газопровода в Индию.

7. Европа

После возникновения кризиса с поставками российского газа в Европу Грузия, Австрия, Венгрия, Болгария и другие страны выразили заинтересованность к прокладке иранского газопровода в Европу. Таким образом, во всем мире с каждым днем растет зависимость от Ирана. Гнойным нарывом на теле западного общества является нищета, дискриминация и насилие. В качестве примера можно привести очередные уличные беспорядки во Франции, длившиеся 24 дня, в ходе которых было сожжено 10200 автомобилей. Народные протесты в европейских странах говорят о наличии там огромной пропасти социального неравенства. Моральный кризис Европы выражается в провозглашении Жаком Шираком новой доктрины Франции, заключающейся в мгновенном ядерном уничтожении.

8. Запад

В отношении западных стран в целом, на тот период времени следует отметить их все более возрастающую зависимость от энергоресурсов, а также усиление военной составляющей при параллельном снижении популярности Буша и Блэра в Соединенных Штатах и Великобритании соответственно. На фоне этого терпят поражение проекты бархатных и цветных революций: зеленая («оливковая») в Ливане и розовая в Иране. Западные

страны также переживают конфуз по поводу обнародования данных о планах немецких христиан из числа нацистов осуществить геноцид евреев во время Второй мировой войны.

9. Исламская Республика Иран

Неожиданностью для всех стали результаты очередных президентских выборов в Иране, которые напрямую противоречили ожиданиям Запада.

10. Демократический блок в американской политике

Реальность такова, что когда США осознают свою возможность действовать практически, они делают это, нарушая все принятые международные нормы и законы. Ярким примером тому является противозаконная оккупация Ирака, которая произошла без согласования с Советом Безопасности ООН. Давление Соединенных штатов на МАГАТЭ с целью составления ядерного досье Ирана и его направления в СБ ООН является всего лишь дипломатической уловкой и задумано для введения экономической блокады, нефтяного эмбарго или даже санкционирования военной операции против Исламской республики.

11. Мировая экономика

Кризисная ситуация в энергосфере на тот момент времени такова, что ввиду разных обстоятельств повышение цены на нефть на несколько сотен долларов вследствие начала какого-либо экономического сбоя или военных действий между Ираном и США могло стать настоящей катастрофой.

12. Антиисламизм

Публикация европейскими изданиями комиксов, унижающих достоинство пророка Мухаммеда, вызвала острую реакцию мусульман во всем мире и продемонстрировала их общую ненависть к Западу.

Итак, каким же стал ответ Ирана на «стратегию лягушки»? Самый легкий путь — атаковать стратегию соперника, поэтому приоритет отдается следующим действиям. Поскольку применяемая Западом «стратегия лягушки» оскорбляет честь Ирана, для создания стратегического баланса Исламская республика отдает предпочтение «стратегии цыпленка». Несмотря на все преимущества «стратегии цыпленка», на вызов западной «стратегии лягушки» в 2006 году Иран имеет возможность ответить классической «стратегией Феникса». Окончательный разгром данной стратегии нанесет доктрина «нос Нимрода» (царя, приказавшего построить Вавилонскую башню, которому через нос в мозг проник комар, мучавший его долгие годы). Наконец, стоит отметить тот факт, на который средства массовой информации и общественное мнение во всем мире обращают недостаточное внимание, а именно: уязвимость и неэффективность применяемых Западом стратегий против Ирана. Неудача американских стратегов разработать действенный план для борьбы с Исламской республикой впервые обнаружила несостоятельность политических кругов и стратегических центров Запада.

Бехзад Каземи

Доктрины и стратегии Запада по отношению к Ирану (продолжение)

Стратегия «нью-йоркский грипп»

Еще одной доктриной, применяемой Соединенными Штатами по отношению к Ирану, является стратегия под названием «нью-йоркский грипп», о которой в 2007 году заявил в Конгрессе США Николас Бернс. Ее основная суть впоследствии была изложена в американском фильме «300 спартанцев». Поскольку эта стратегия реализовалась на самых разных уровнях и направлялась на все иранское общество в целом, ее рассмотрение имеет особую

важность. Данный план представляет собой создание негативных представлений у самих иранцев о своей стране. Его целью было вызвать чувства отвращения, ненависти и стыда к исламу, Ирану и всему иранскому, государственному строю Исламской республики и ее руководству. Согласно этой стратегии, иранцы должны были стыдиться своей веры и национальности и таким образом прекратить свои ядерные разработки. Ненависть к друг другу воплощалась в форме унижения по национальному признаку. В 2006-2007 годах с этой целью активизировались спутниковые телеканалы. Соединенные штаты объявили о введении односторонних санкций против государственных служащих Ирана, мотивируя это принятием резолюций Совета Безопасности ООН. Если учесть, что санкции были объявлены против командиров Корпуса стражей Исламской революции, которые не владеют никакой заграничной собственностью и не выезжают за границу, то получается, что единственной целью подобных мер являлось зародить у иранцев ненависть к собственному военному руководству. С проникновения в иранское общество вируса ненависти, оно лишилось возможности реализовывать свои права.

Данная стратегия основывается на принципе разделения и внушения обществу сильной антипатии. Запад стал применять стратегию «нью-йоркского гриппа» с целью уничтожить Исламскую республику и основная ставка была сделана на то, чтобы посеять семена ненависти в сердцах самих иранцев. Именно об этом говорил в Конгрессе США Николас Бернс.

Стратегия «нью-йоркского гриппа», базирующаяся на расколе иранского общества, преследует следующие цели. Во-первых, иранцы должны воз-

ненавидеть друг друга. Во-вторых, у них должно возникнуть отвращение к представителям власти и сильное убеждение в том, что они не способны решать текущие проблемы общества. В-третьих, общество должно отказаться от ислама. В-четвертых, населению Ирана следует позабыть о своем иранском самосознании, ведь именно эту цель и преследовали создатели киноленты «300 спартанцев».

В качестве противодействия «нью-йоркскому гриппу», мы, иранцы, просто обязаны выработать собственные контрстратегии. Мы должны объединиться и впредь воздерживаться от действий и высказываний, которые ослабляют наше единство.

В целом, противостояние США и союзных им стран с Ираном имеет несколько видов: мягкое, полужесткое и жесткое.

Цель любого конфликта сводится к тому, чтобы навязать сопернику собственную волю. Лучшим способом для этого является повлиять на его мышление. «Мягкое противостояние» нацелено на подчинение сердец и умов противников.

Методология данное борьбы осуществляется по двум направлениям — внушение определенных представлений и вынуждение отказаться от прежних. В последние годы все это имело место в мяг-

Цель любого конфликта сводится к тому, чтобы навязать сопернику собственную волю

ком противостоянии США и Ирана, которое выражалось и в культуре, и в психологическом давлении, и в средствах массовой информации. Для навязывания своей воли Ирану Соединенные штаты последовательно применяли тактику последовательного нарушения психологической уравновешенности.

Для примера приведем следующее сравнение. Чемпион-тяжеловес может вынести даже очень сильный удар и устоять на ногах. Однако если неожиданно без всякой подготовки сообщить ему какое-то неприятное известие, например, о кончине его матери, оно может настолько шокировать атлета, что он сам упадет на колени. Даже физически сильный человек, получив неожиданное известие, переходит в состояние психологического дисбаланса и становится полностью беззащитным.

Вначале США преследовали цель нарушения психологического баланса в сфере политического развития внутри Ирана. Затем они перешли к созданию психологического дисбаланса в экономической плоскости. Вслед за этим американские стратеги сделали своей задачей нарушить психологическую уравновешенность в военной сфере. Для реализации работы в данных направлениях мягкого противостояния с Исламской республикой американское правительство только за несколько последних месяцев выделило 75 миллионов долларов.

«Полужесткое противостояние» выражается в попытках Соединенных штатов установить политическую блокаду вокруг Ирана. Делается это путем оказания соответствующего давления на Международное агентство по ядерной энергии и Совет Безопасности ООН. Другим шагом в этом направлении считается введение экономического эмбарго на поставку иранской

нефти и давление на разные государства и их объединения с целью поддержания своей политики.

Суть «жесткого противостояния» сводится к военному окружению Исламской республики посредством оккупации Афганистана и Ирака, а также военного присутствия в ряде соседних Ирану стран. В настоящее время Соединенные штаты — это враг у самых ворот Ирана, а не какая-то удаленная угроза на другом материке.

«Стратегия постоянной парадигмы»

Данную стратегию против священного строя Исламской Республики Иран стали применять с 2008 года. Она проводилась в экономической, политической, военной и информационной областях.

Одним из главных шагов по реализации этой доктрины стало принятие резолюции № 1803 от 3 марта 2008 года, которая была задумана для того, чтобы сделать существующие финансовые и визовые санкции «парализующими».

Несмотря на предпринимаемые усилия в политической и дипломатической областях, по сравнению с другими странами мира в Иране наблюдается довольно стабильная ситуация. С другой стороны, потерпели неудачу попытки тогдашнего госсекретаря США Хилари Клинтон отдалить от Ирана неко-

Несмотря на предпринимаемые усилия в политической и дипломатической областях, по сравнению с другими странами мира в Иране наблюдается довольно стабильная ситуация торые страны, такие как Россия, Китай и Индия. Доказательством тому служит предоставленные прессе соответствующие сведения из источников Министерства информации и Организации информации Корпуса стражей Исламской революции. Об отражении «стратегии постоянной парадигмы» в политической и дипломатической областях говорят такие факты, как арест главаря террористической группировки «Джунд ош-Шайтан» («Солдаты дьявола»), банды «Пежак», нескольких израильских шпионов, а также захват американского беспилотника.

Что касается военной сферы, то стало очевидно, что США только на словах способны угрожать Ирану, занимающему пятое место в мире по коэффициенту безопасности.

Все эти поражения заставили президента США Барака Обаму обратиться с письмом к Духовному лидеру Ирану Али Хаменеи, что само по себе демонстрирует явное отступление Запада и США. Кроме того, на встрече «шестерки» с Ираном в апреле 2012 года в Стамбуле в сфере международного права получил юридический статус принцип «велаяте факих» (правление верховного богослова), согласно которому Исламская республика Иран не стремится получить ядерное оружие и не включает его в свою военную доктрину.

Что касается международного права, то во всех странах мира какие-либо новые постановления принимаются с опорой на собственное законодатель-

ство. К примеру, нам говорят, что иранский парламент должен ратифицировать Дополнительный протокол. Однако Духовный лидер Ирана Али Хаменеи лично заявил, что ядерное оружие не входит в военную доктрину ИРИ, и это признание было принято к сведению партнерами Ирана на встрече в Стамбуле. Фактически это говорит о том, что принцип «велаяте факих» получил международный статус.

В экономике меры Духовного лидера заключались в реализации лозунгов, провозглашаемых последние несколько лет. В стратегическом плане подобные лозунги схожи с планированием, которое составляется на годы вперед. Ежегодные лозунги, определяемые Духовным лидером, представляют собой те цели, которые необходимо достигнуть в масштабах всей страны.

Тот факт, что в последние годы Али Хаменеи сосредотачивает свои усилия в экономической сфере, говорит о необходимости отойти от системы установившегося в мире экономического господства и создать собственную независимую экономику.

Поскольку враги Ирана постоянно стараются давить на него, вводят санкции против банков, промышленных организаций и отдельно взятых предпринимателей, а иногда даже заказывает убийство иранских физиков-ядерщиков, Духовный лидер пытается создать у своего народа чувство уверенности в собственных силах и научить его доверять отечественным производителям. Таким образом, иранское руководство пытается использовать угрозы, исходящие от «стратегии постоянной парадигмы», для создания новых возможностей для своей страны.

«Стратегия ядовитой морковки»

Следующие меры, предпринимаемые Западом в 2008 году, уже относятся к другой доктрине, так называемой «стратегии ядовитой морковки». В ее рамках стали предприниматься усилия для повторного открытия американского дипломатического представительства в Иране, чтобы устанавливать прямые контакты с иранскими гражданами. Вместе с этим делались попытки обсуждать кандидатуру президента Ирана с иранскими умеренными реформаторами, однако и здесь ничего не удалось. В действительности, на кануне президентских выборов в 2009 году Запад рассчитывал путем изменения руководящего состава Исламской республики реализовать собственные политические установки, в частности, то, что касается ядерной программы Ирана. Именно эту цель преследовали в 2008 году попытки США открыть свое дипломатическое представительство в Иране и контакты европейских посольств в Тегеране с некоторыми иранскими политиками.

В ноябре 2008 года израильская арабоязычная газета Наагеtz писала: «По словам заместителя госсекретаря США по политическим вопросам Уильяма Бернса, обсуждение вопроса открытия в Иране американского дипломатического представительства реализуется в рамках «стратегии ядовитой морковки». Она предоставит Соединенным штатам возможность наладить прямые контакты с иранским народом и обсудить с умеренными реформаторами этой страны вопрос о том, кто займет пост президента Ирана в 2009 году».

Анатолий «Эль Мюрид»

«Истинные причины войны»

есять лет назад США завершили то, что было запущено ими еще десятилетие тому назад — добили Ирак Саддама Хусейна. И естественно, именно американцы были заинтересованы в том, чтобы навязать миру собственное представление об этой войне.

Десять лет назад США наконец завершили то, что было запущено ими еще десятилетие тому назад — добили Ирак Саддама Хусейна. И есте-

ственно, именно американцы были заинтересованы в том, чтобы навязать миру собственное представление об этой войне. Их устраивало все: и обвинения в войне за нефть, и обвинения в геноциде, и обвинения в попрании международного права, и даже прямой обман по поводу химического оружия Саддама Хусейна. Их интересовало лишь то, чтобы истинные причины войны никогда не были озвучены — во всяком случае, в полном объеме.

Попробуем восполнить этот пробел. Соединенные Штаты, в отличие от очень многих стран и народов, обладают уникальной способностью извлекать уроки из своих и чужих ошибок. Это, нужно отметить, очень ценное и нужное качество. США, с невероятным трудом и довольно случайным образом победив своего главного геополитического противника 20-го века СССР, усвоили главный урок. Любая крупная и обладающая ресурсами страна способна в короткий исторический срок совершить модернизационный рывок и стать угрозой для планов США по мировой гегемонии. Дважды Штаты пропустили этот момент — в случае с СССР 30-х годов и в случае с Китаем девяностых.

Для модернизационного рывка требуется ряд условий — это и наличие ресурсов (природных, людских, технологических, индустриальных, информационных и так далее), способность государства мобилизовать население и эти ресурсы, наличие модернизационной идеологии.

Ближний Восток слишком близко подошел к рубежу, за которым одна из стран региона могла «выстрелить». Собственно, одна уже «выстрелила» — Иран. За тридцать лет с момента революции 79-го года Иран сумел выполнить все из названных условий и совершить серьезный прорыв. Шахский Иран, стоит отметить, тоже находился на этом пути, однако после модернизации он полностью становился подконтролен западным корпорациям, которые этот самый технологический рывок в Иране и создавали. Аятоллы сделали то же самое, но с опорой на собственные силы. И победили.

Однако опыт Ирана неприменим для остальных стран Ближнего Востока — и не только потому, что Иран — это шииты. В Иране традиционно сильна имперская националистическая идеология, опирающаяся на реальный исторический опыт многотысячелетнего имперского прошлого Персии. Сплав этой идеологии с исламом создал ту самую мобилизующую нацию идеологию, которая и сумела проломиться сквозь блокады и эмбарго.

Ближний Восток слишком близко подошел к рубежу, за которым одна из стран региона могла «выстрелить»

За ваххабитские монархии Аравийского полуострова Соединенные Штаты были и остаются совершенно спокойны — исповедуя фундаментальный и не терпящий новаций ислам, монархи не способны провести модернизацию и вывести свои страны из углеводородного тупика, в котором они пребывают. Они объективно зависимы от внешних условий, и уже поэтому не представляют ни малейшей угрозы интересам США.

Однако светские режимы Ближнего Востока продемонстрировали, что суннитские страны тоже способны на модернизацию, причем стремительную и успешную. У каждой из этих стран — Египта, Сирии, Ливии, Алжира — были и остаются непреодолимые трудности, которые не позволяют им воспользоваться опытом Ирана. Однако потенциально именно на пути светского развития — и более никакого — они сумели достичь очень серьезных успехов за довольно короткий срок.

Неудивительно, что арабская весна, под лозунгами которой на Ближний Восток опускается архаика и фундаментальный клерикализм, стала желанной для США и во многом проектировалась именно ими. Именно дикий пещерный ислам напрочь и навсегда способен отбросить в развитии этот регион, ликвидировать опасность модернизации и в конечном итоге угрозу положению США. Именно поэтому предельно свирепо Соединенные Штаты громят Сирию и разгромили Ирак — просто потому, что в этих странах было создано общество, в котором ислам уступал место светскому развитию, создавалась новая и во многом принципиально отличная идеология сосуществования разных народов, конфессий и социальных групп. Ирак в списке целей для уничтожения стоял на первом месте, так как Саддам Хусейн помимо создания идеологической базы и мобилизационных возможностей для рывка обладал и колоссальными сырьевыми ресурсами. Именно они могли стать финансовой базой модернизации по-иракски, и именно поэтому на него был направлен первый и самый главный удар.

По сути, если удариться в лютую альтернативщину, без двух иракских войн на сегодня мы бы имели два мощных индустриальных государства Ближнего Востока — Ирак и Иран, которые на пару лидировали во всем регионе. Возможно, мы бы уже сейчас видели интеграционные процессы, собирающие регион в огромный конгломерат разных, но идущих к одной цели государств. Некий Исламский Союз, в котором, как и в Европейском, все держалось бы на двух ведущих государствах.

И именно этот вариант развития был категорически неприемлем для США. Собственно, поэтому они и раскатали Ирак в мелкий щебень.

Израиль все-таки нанесет удар по Ирану?

осле переговоров на высшем уровне между США и Израилем премьер-министр Биньямин Нетаньяху поблагодарил американского лидера за понимание ситуации вокруг Ирана и заявил, что, США и Израиль близки в оценке «масштабов проблемы и временных рамок ее решения». Переговоры и санкции должны быть дополнены угрозой

реальной военной операции против Ирана, — считает премьер Израиля.

«Израиль никогда не сможет уступить свое право на самозащиту даже самому большому нашему другу», — сказал Нетаньяху. Партнеры по этим переговорам давно обвиняют Иран в стремлении к ядерному оружию. В то же самое время, сам Израиль единственный в регионе не подписал Договор о нераспространении ядерного оружия, и, по мнению военных экспертов, наращивает свой ядерный потенциал, который сейчас развивается вне какого либо международного контроля.

То, о чем говорили вначале шепотом, а затем все громче и громче, (вплоть до объявления конкретных дат нападения на Иран) стало из подозрений политологов легальной и озвученной на высшем уровне темой внешней политики США и Израиля в регионе. По существу, вчера двумя лидерами растоптана вторая статья Устава ООН, которая гласит: «Все члены организации Объединенных наций в их международных отношениях воздерживаются от угрозы силой или ее применения». Иран, по всей видимости, теперь имеет право требовать внеочередного заседания Совета безопасности ООН, с резолюцией, осуждающей США и Израиль за нарушение Устава организации, и угрозу применения силы в обход решения Совбеза.

Но президент США считает иначе — ООН ему не указ. «Биби (Обама тут назвал коллегу по переговорам по кличке) совершенно прав, когда дает понять, что каждая страна должна сама принимать решения относительно вовлечения в любую военную акцию. Израиль расположен не там, где США, и я бы не ждал, что премьер-министр будет принимать решения, касающиеся безопасности своей страны, и оставлять их на усмотрение какой-то другой страны», — согласился Обама на пресс-конференции в Иерусалиме.

Также президент США намекнул, что возможная карательная операция Израиля против Ирана будет поддержана не только политически, но и военным путем. «Если дипломатия не сработает, Америка готова использовать любые другие средства» — сказал он.

Отсчет времени до новой войны на Ближнем Востоке запущен. Сможет ли кто либо в мире нажать на кнопку «стоп» в этих часах?

Юлия Савченко

Треугольник Россия-Иран-Турция — **кто лишний?**

авказ, Центральная Азия и Восточное Средиземноморье — главные точки пересечения интересов России, Ирана и Турции и территория неопределенности в контексте меняющихся приоритетов крупных региональных игроков. К такому выводу пришли авторы исследования ини-

циированного Центром стратегических и международных исследований в Вашингтоне. Проект длился полтора года и вылился в 30-ти страничный труд с выводами и рекомендациями для американских политиков.

В докладе уделили пристальное внимание «трем парам» двусторонних отношений: Россия-Иран, Россия-Турция и Иран-Турция на фоне таких событий, как «арабская весна» и гражданская война в Сирии. Как подчеркивается в исследовании «понимание динамики (этих отношений — прим.авт.) необходимо для избежания развертывания широких военных действий на Ближнем Востоке, возобновления конфликта на Кавказе и нестабильности в Центральной Азии».

«Сирия является главной переменной величиной в этом треугольнике Россия-Иран-Турция», — подчеркивает директор проекта Стефен Фланаган.

Он замечает при этом, что Турция «намерена расширять партнерство как с Россией, так и с Ираном».

В докладе отмечается, что с Турция с 2002 года руководствуется принципом необходимости улучшения отношений с Россией. «Двусторонние отношения отражают общность интересов, однако не лишены соревновательности», — говорится в исследовании. Подчеркивая расцвет в таких областях двусторонних отношений, как торговля, инвестиции и туризм, вашингтонские аналитики обращают внимание на резкое расхождение позиций по Сирии и ситуации с Арабской весной.

«Эта ситуация будет все больше обостряться, если только Москва не решится на конструктивное сотрудничество с международным сообществом для осуществления мирной передачи власти в Сирии и то, чтобы играть более конструктивную роль в западном Средиземноморье. Также для предотвращения эскалации напряжения Москве необходимо разработать более четкие правила своего присутствия на Кавказе», — говорится в докладе.

«Экономические связи между Турцией и Россией очень ощутимые, а вот стратегическая линия достаточно противоречивая, — подчеркивает один из авторов доклада, политолог Эндрю Качинс. — С Ираном у России все наоборот — стратегически Москва и Тегеран очень часто разделяют похожие позиции. При этом исторически, все три страны всегда, так или иначе, соперничали друг с другом».

«Россия очень чувствительна к увеличивающемуся влиянию Турции на Южном Кавказе», — подчеркивает Качинс, отмечая, что Москва смотрит

Один из авторов доклада Джон Алтерман говорит о разности настроений внутри стран в свете происходящих геополитических и геостратегических изменений на свои отношения с Ираном и Турцией сквозь три призмы — региональной безопасности, глобальных вопросов и экономики.

Один из авторов доклада Джон Алтерман говорит о разности настроений внутри стран в свете происходящих геополитических и геостратегических изменений.

«В Турции национальные настроения оптимистичные. Они полагают, что "арабская весна" — это благо. В России к оценке ситуации относятся более сдержанно и осторожно, — подчеркивает Алтерман. — В Иране же настроения хуже некуда. Иранцы чувствуют себя изолированными и незащищенными. Они считают, что

мир по отношению к ним несправедлив. Все это создает очень большую напряженность».

По мнению Джона Алтермана, по мере возрастающего отчуждения Ирана, отношения с Турцией для иранских властей становятся все более важными.

«Это впрочем непростые отношения, — подчеркивает Алтерман, — с одной стороны, Турция — это единственное место, куда иранцы могут выезжать свободно и чувствовать себя относительно спокойно, с другой, у стран есть серьезные разногласия по Сирии. Вообще, складывается ощущение, что Турция пытается держать Иран на расстоянии вытянутой руки».

Стефен Фланаган склоняется к выводу о том, что Иран и Россия в настоящее время находятся в альянсе против Турции и США и многих других членов международного сообщества.

В выпущенном докладе этот тезис продолжается мыслью о том, что это будет иметь «важные последствия для национальных интересов США».

В региональном контексте авторы исследования советуют «внимательно наблюдать за ситуацией на Кавказе», где интересы России, Турции и Ирана «сталкиваются весьма очевидно». В Центральной Азии, приходят к выводу аналитики, все три страны и США озабочены одними и теми же проблемами, одна из которых — безопасность после вывода войск из Афганистана в 2014 году.

Визит Обамы в Израиль: Пересказанные тезисы

ак и ожидалось главной темой переговоров Барака Обамы с Биньямином Нетаньяху стал Иран. В ходе визита в Израиль американский президент «пригрозил» Ирану, вместе с тем он отказался в ближайшей перспективе руками своей страны решать вопрос с иранской ядерной программой военным способом, а также обвинил Башара Асада в уничтожении сирий-

ского народа и отметил необходимость израильско-палестинского урегулирования. Одним словом, принципиальных перемен во внешнеполитических раскладах посещение Израиля не произвело.

«Мы предпочли бы добиться этого путем дипломатии, и на это еще есть время», — заявил американский президент, имея в виду недопущение атомного вооружения ИРИ, на совместной пресс-конференции в Иерусалиме с премьер-министром Израиля Биньямином Нетаньяху. Однако, несмотря на столь, казалось бы, благожелательное к Исламской Республике заявление, Обама показал, что «расслабляться» Тегерану не стоит. После слов израильского премьера о том, что еврейское государство никому, в том числе и ближайшим союзникам (а самый близкий из союзников Иерусалима, естественно, США) не может уступить право на самозащиту, американский президент согласился с ним. Более того, по мнению Барака Обамы, каждая страна вправе принимать самостоятельные решения, относительно начала военных акций. Намекнул он и на возможность поддержки своего союзника, отметив, что, в случае неудачного исхода упомянутой выше дипломатической деятельности, Америка готова к использованию любых средств. Пообещал американский президент и дальнейшую поддержку вооруженных сил Израиля, в частности, им было анонсировано перечисление Иерусалиму 200 миллионов долларов на укрепление противоракетной системы «Железный купол».

Поддержка в лице Вашингтона, оглашенная главой США, по-видимому, удовлетворила и Биньямина Нетаньяху, который заявил о том, что Израиль и США близки в оценке ситуации вокруг Ирана, а также способов ее решения. Что означают все эти слова для Тегерана? Сразу отметим, что ничего принципиально нового не произошло — Соединенные Штаты с момента появления на политической карте мира Израиля были его союзником, так что Биньямин Нетаньяху совершенно верно заметил, что за всю историю еврейского государства, у него не было лучшего союзника, чем США. На протяжении последних 30 лет обе страны с завидным постоянством выступают не только против иранской ядерной программы, но и против политического режима Исламской Республики, как такового. Не первый год продолжается и «игра

мускулами» Вашингтона и Иерусалима перед Ираном. Бомбить ядерные объекты Исламской Республики руководство США и Израиля «намеревались» еще несколько лет назад. Причем, еврейское государство и ранее было гораздо более воинственно настроено по отношению к Тегерану, чем его заоке-анский союзник.

Однако прозвучали в ходе посещения Обамой Израиля и некоторые фразы, говорящие о возможных в будущем переменах в отношении к Ирану и его ядерной программе. Так например, на самом высоком уровне вновь были очерчены временные рамки возможного создания ИРИ ядерного оружия и соответствующих силовых действий по его противодействию. Как отметил Нетаньяху, Ирану потребуется примерно год на создание первых атомных технологий военного назначения. После этого Израиль намерен действовать. В связи с этим примечателен тот факт, что президент США Барак Обама в ходе своего визита в Иерусалим, осматривая вместе с израильским премьером тактическую систему ПРО «Железный купол», с иронией пошутил, что премьер Израиля Биньямин Нетаньяху постоянно напоминает ему о «красной черте». «Он всегда говорит мне о красной черте», — сказал президент США, улыбаясь и указывая пальцем на Нетаньяху.

Еще одним важным свидетельством «закручивания региональных гаек» в отношении Ирана стал звонок Нетаньяху турецкому премьеру Реджепу Эрдогану. По сообщениям некоторых израильских источников, речь в беседе двух лидеров от извинений за взятую на абордаж турецкую «Флотилии свободы» быстро перешла к реалиям сегодняшнего дня. В частности, как ни странно, турецкий премьер солидаризировался с израильским в оценке иранской ядерной программы. При этом нельзя забывать, что звонок Нетаньяху состоялся по инициативе присутствовавшего в это время в Тель-Авиве Барака Обамы.

Ситуация, складывающаяся в последнее время и венчающаяся визитом американского президента в Израиль, демонстрирует достаточно последовательную американскую стратегию «кнута и пряника» в отношении Ирана. «Пряником» здесь являются некоторые предложения Барака Обамы, сделанные им едва ли не накануне визита в Израиль, во время видеопоздравления иранского народа с Новым, 1392 годом. В частности, президентом США были обещаны широкие торговые отношения в обмен на «немедленные и убедительные» шаги по отказу от «ядерного вооружения». Обещание, в условиях режима мощнейших санкций, ущерб от которых признал даже иранский президент Махмуд Ахмадинежад, мягко говоря, заманчивое.

Вместе с тем, как до, так и во время встречи с израильским премьер-министром, Обама заявлял о том, что он не допустит появления в руках Ирана ядерного оружия, и ради этого будет использовать преимущественно дипломатические средства, но отнюдь не только их. При этом США, в случае возможного конфликта с ИРИ, сразу снимает с себя ответственность за развязывание военных действий, лишь «разрешая» своему союзнику Израилю атаковать Исламскую Республику. Стратегия весьма выверенная и не лишенная логики.

«По традиции» в ходе переговоров лидеров США и Израиля отметилось нарушение целого ряда международных соглашений. К примеру, не имея каких-либо оснований для обвинения Исламской Республики в производстве атомной бомбы, Обама и Нетаньяху «почему-то» в очередной раз забыли о единственном государстве региона, уже имеющем эту самую бомбу (а также множество других боеприпасов), и не подписавшем Договор о нераспростра-

нении ядерного оружия. Таким государством является, как известно, Израиль. Кроме того, Израиль, неоднократно угрожавший Ирану военной расправой, а также США, поддержавшие его, грубо нарушают статью 2 Устава ООН, призывающую воздерживаться от угрозы силой или ее применения.

Стоит отметить, что Иран уже дал свой ответ на сказанное Бараком Обамой и Биньямином Нетаньяху в Израиле. Верховный Лидер страны аятолла Хаменеи подтвердил готовность вооруженных сил своей страны сравнять с землей Тель-Авив и Хайфу в случае начала Израилем самостоятельной операции против Исламской Республики.

Не наблюдалось принципиальных поворотов и в отношении менее значимых тем — Сирии и Палестины. В отношении первой прозвучала очередная угроза Обамы, касающаяся использования химического оружия. Не отступил господин президент и от своей основной линии по поддержке повстанцев, отметив, что лично он не верит в то, что недавний случай использования этого самого оружия имел место с их стороны.

Вряд ли смогли внести что-то новое слова Барака Обамы и в палестинский вопрос. Президент отметил необходимость мирных переговоров Израиля с администрацией Махмуда Аббаса, осудил движение Хамас, а также заявил о необходимости построения независимого Палестинского государства. Во всех тезисах, не в первый раз пересказанных, он был поддержан Биньямином Нетаньяху.

Таким образом, можно сказать, что принципиальных перемен в расстановке сил на Ближнем Востоке визит Обамы не произвел. Не зря в американской прессе он назывался совершенно бесполезным. Не оправдал он и желаний и чаяний израильтян — не просто так едва ли не все пребывание президента США на «земле обетованной» сопровождалось демонстрациями протеста, поводом к которым стало содержание в американской тюрьме израильского шпиона Джонатана Полларда. Прокатились возмущенные демонстрации и по палестинским территориям — не следует забывать о том, что, несмотря на вышеупомянутые заявления, визит Обамы был посвящен сотрудничеству с израильской стороной. Кроме того, от президента на Западном Берегу реки Иордан не меньше, чем в Тель-Авиве ждали конкретики. Ее не последовало.

Зачем же Барак Обама отправился в Израиль? Единственная реальная цель, которую ему удалось достичь — укрепление личных отношений с израильским премьером, находившихся под вопросом в последние годы. Есть и еще один достаточно важный фактор — подтверждение стабильности внешнеполитического курса Вашингтона. Красивые речи Барака Обамы перед израильскими политиками, журналистами и студентами имеют под собой мало реального содержания, однако они демонстрируют Израилю и миру неизменность позиций администрации Обамы во всех аспектах ближневосточной политики.

Что же касается Ирана, то визит Барака Обамы, пожалуй, ясно дает понять, что Соединенные Штаты не столько готовы к переговорам, сколько имеют некоторые надежды на президентские выборы в Исламской Республике. По мнению многих американских политиков, по-видимому, разделяемому Бараком Обамой, новый иранский президент может быть более «сговорчивым», и строить внешнюю политику в отношении Тегерана стоит уже в расчете на него. По всей видимости, не помпезный визит Барака Обамы в Израиль, а внешнеполитические события лета 2013 года определят основные ключевые события на Ближнем Востоке.

Бехзад Каземи

Доктрины и стратегии Запада по отношению к Ирану

2000 году госсекретарь США Мадлен Олбрайт призналась, что в 1953 году президент Дуайт Эйзенхауэр организовал государственный переворот в Иране. То же самое признал нынешний американский лидер Барак Обама, выступая с речью в Каире. Вмешательство США во внутреннюю политику Ирана и смещение премьерминистра Мохаммада Мосаддыка, издавшего указ о национализации нефтяной промышленности, в настоящее время является основанием для сильной антипатии иранцев к Соединенным Штатам.

Тогда, в середине прошлого столетия, страной правил шах Мохаммад Реза Пехлеви. Его власть держалась благодаря защите англичан, кото-

рые в ходе Второй мировой войны вынудили его отца Резу Пехлеви отречься от власти в пользу сына. Тем не менее, шаху пришлось вступить в противоборство с главой националистического правительства, премьерминистром Мосаддыком, который при помощи аятоллы Кашани национализировал иранскую нефть. Вслед за этим взбешенные англичане убедили Соединенные Штаты в том, что в Иране необходимо покончить с оппозицией, пока она не создала в стране коммунистический режим. Вслед за этим ЦРУ, пользуясь поддержкой шаха, разработало план «Аякс» для свержения правительства Мосаддыка, а после его выполнения передало функции премьер-министра генералу Фазолле Захеди. Новый глава правительства начал проводить в Иране жесточайшую политику террора.

Руководили операцией «Аякс», проведенной 18 августа 1953 года, археолог по образованию Дональд Уилбрик, историк Кермит Рузвельт (старший сын Теодора Рузвельта) и генерал Норман Шварцкопф. Данная акция стала явным примером намеренной дестабилизации ситуации в стране. ЦРУ организовала демонстрацию, на которую вышли 8 тысяч нанятых участников. Через них в западные СМИ попала ложная информация о положении дел в Иране.

После президентских выборов в Иране в 2009 году прошли широкие манифестации несогласных с результатами голосования. Сторонникам переизбранного президента Махмуда Ахмадинежада противостояли те, кто выступал за Мирхоссейна Мусави и Акбара Хашеми-Рафсанджани. В очередной раз происходящие в Иране события заставили ЦРУ прибегнуть к новым дестабилизирующим мерам. В 2009 году центральное разведывательное управление применило новую практику — контроль мобильных телефонов. Стоит отметить, что с появлением мобильной связи возможности секретных служб США и Великобритании значительно расширились за счет того, что стало возможным отслеживать местонахождение абонентов.

В июле 2008 года после того, как состоялся обмен заключенными между Израилем и «Хизбаллой», агенты ЦРУ, Моссада и британских спецслужб установили связь с десятками тысяч ливанских граждан. В своих сообщениях они предостерегли их от участия в движении сопротивления Израилю и унизили «Хизбаллу». Вслед за этим министр коммуникаций Ливана обратился в ООН с жалобой о нарушении территориальной целостности его страны. Однако это ничего не изменило, и уже в октябре 2008 года десятки тысяч ливанцев и сирийцев через свои телефоны получили сообщение о том, что за любую информацию о местонахождении израильских пленных, полезную для их освобождения, они могут получить вознаграждение в размере 10 миллионов (без указания валюты). Заинтересованным этим предложением давали для связи номер абонента, находящегося в Великобритании. Теперь такие же способы стали применяться в Иране, чтобы агенты иностранных спецслужб могли распространять шокирующие новости и запугивать население.

Во-первых, уже после официального объявления о переизбрании Ахмадинежада по вечерам стали рассылаться смс-сообщения о победе Мирхоссейна Мусави и, якобы, имевшей место подтасовке результатов голосования. Это при том, что за три дня до этого Мусави и его соратники признали окончательную победу нынешнего президента, хотя и дали понять, что, по их мнению, голосование подверглось фальсификации. О своем протесте в письменной форме заявил и Али Акбар Хашеми-Расфанджани. Американские организации, занимающиеся опросом общественного мнения, также предсказывали, что Ахмадинежад получит двадцатипроцентное преимущество над Мусави и поэтому исключали возможность победы последнего.

Во-вторых, стали выбираться специальные люди-иранцы для общения в Facebook и Twitter. Они получили информацию (правдивую и ложную) о развитии политического кризиса и росте демонстраций. Ими же на страницах Facebook и Twitter были размещены данные о вооруженных столкновениях и убитых, которая на тот момент еще не была подтверждена. В интернете также появлялась анонимная информация о поступаемых угрозах жизни и проникновении полиции в дома отдельных граждан. Цель подобных сообщений в сети Twitter — спровоцировать мятеж и замешательство и тем самым еще более накалить ситуацию в стране. Между тем, американские военные отовсюду следили за развитием обстановки в Тегеране и оценивали эффективность мер, проводимых спецслужбами. Не вызывает никаких сомнений, что дестабилизация ситуации в Иране и особенно в его столице, осуществлялась в рамках плана ЦРУ.

Игорь Панкратенко

Новый доклад разведсообщества США: От Ирана не исходит угроза

вятая Земля, родина трех мировых религий, вновь явила нам чудо: Биби Нетаньяху, сделавший все возможное для того, чтобы Обама не был переизбран на второй срок, нежно обнимал его в аэропорту и говорил о своей любви к США и лично господину президенту. Барак «Барри» Обама, считающий Израиль обременением для нынешней политики США на Ближнем Востоке, отвечал ему столь за-

мысловатыми приятностями, так уверял израильтян в своих дружеских чувствах и неизменной поддержке в любых начинаниях, что на щеках Нетаньяху от смущения играл легкий румянец. Но чудеса на этом не закончились, и вскоре последовало еще одно. Обсуждение одного из самых острых для Вашингтона и Тель-Авива вопросов, «что нам делать с Ираном?», оказывается, как нас пытаются уверить, ограничилось всего лишь обменом парою фраз. Обама сказал, что Иран еще не подошел к «красной черте», но вот как только подойдет — то США поддержат любое решение израильтян по данному вопросу. Нетаньяху в свою очередь признал, что несколько погорячился с заявлением о возможности появления ядерного оружия у Ирана весной-летом нынешнего года и продлил этот срок минимум на год. И все! И больше эта тема не обсуждалась. Нам предлагается в это поверить, но правильнее все же будет подвергнуть данное «чудо» критическому анализу.

Разведывательное сообщество США: чего угрожающего не коснись — у Ирана ничего нет

За несколько дней до ближневосточного визита Обамы директор Национальной разведки США Джеймс Клэппер-младший представил комиссии конгресса ежегодный доклад разведывательного сообщества с оценками угроз и вызовов для безопасности Соединенных Штатов¹.

В 34-страничном документе Иран упоминается 49 раз 2 , гораздо чаще, чем любая другая страна. Казалось бы — столь пристальное внимание уделе-

¹ Worldwide Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community http://www.dni.gov/index.php/newsroom/testimonies/194-congressional-testimonies-2013/816-statement-for-the-record-worldwide-threat-assessment-of-the-u-s-intelligence-community

но объекту повышенной опасности. Но это только на первый взгляд. Характеристики разведывательным сообществом США угроз, исходящих от Исламской Республики, сдержаны настолько, что их и угрозами назвать

трудно. Скорее уж это откровенное разрушение того образа врага и агрессора, который медиа навязывают общественному сознанию.

Об «агрессивности» Исламской Республики: «мы не изменили своего мнения в том, что Иран предпочитает избегать прямой конфронтации с Соединенными Штатами».

О военной составляющей иранской ядерной программы: «Мы не знаем, решит ли Иран в конечном счете приступить к созданию ядерного оружия». То есть, по оценкам американских разведслужб, никакой военной составляющей в иранской ядерной программе не существует.

«Мы не изменили своего мнения в том, что Иран предпочитает избегать прямой конфронтации с Соединенными Штатами»

О том, что Иран ведет скрытые разработки оружия массового поражения (о чем любят намекнуть некоторые эксперты МАГАТЭ): «мы считаем, что Иран не производит оружейный уран, и не в состоянии осуществлять эти работы таким образом, чтобы данное производство не было обнаружено». Эта фраза начисто перечеркивает имеющую место быть озабоченность МАГАТЭ некими «секретными работами на секретных объектах Ирана», более того, заставляет задумываться об ангажированности и слабой профессиональной подготовке «международных экспертов».

И, наконец, об ответственности, взвешенной позиции и адекватности иранского руководства: «Иранские лидеры стремятся к сохранению престижа и влияния на международной арене, соотносят свои действия по ядерной программе с настроениями международного сообщества... стремятся к балансу интересов... При принятии решений [иранское руководство] стремится вести свою политику таким образом, чтобы не спровоцировать военного удара или новых санкций».

Вот таким вот образом выглядит «исходящая от Ирана ядерная угроза» в оценках разведывательного сообщества США. Стремления к конфликту нет, намерение создать ядерное оружие отсутствует даже на уровне политического решения, секретных работ по бомбе не ведется. Вообще, судя по отчетам со слушаний на комиссии по разведке Конгресса³, директора национальной разведки в ходе этих слушаний больше волновал вопрос возможных кибератак со стороны Ирана, чем его ядерная программа. И ведь подобное «благодушие» в отношении иранской ядерной угрозы царит в офисах DNI, CIA, АНБ и еще 13 разведывательных организаций США не первый год. И в «Worldwide Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community — 2007», и в документах 2008 года, и в последующие годы — реальность ядерной угрозы со стороны Исламской Республики Иран американской разведкой всерьез не рассматривается.

² Для сравнения: Россия — 38 раз, Китай — 30, терроризм — 7 раз.

³ Security Leader Says U.S. Would Retaliate Against Cyberattacks http://www.nytimes. com/2013/03/13/us/intelligence-official-warns-congress-that-cyberattacks-pose-threat-to-us. html?pagewanted=all&_r=0

Необходимо отметить, что между разведывательным сообществом США и нынешней администрацией Белого дома сейчас существует полное взаимопонимание (что прекрасно отражает динамика бюджета разведки с 2008 года⁴). Представленный Конгрессу доклад Джеймса Клэппера-младшего, как целиком, так и в «иранской» его части, явно согласован с администрацией. Расходы разведки в 2013 финансовом году будут сокращены почти на 5%, казалось бы — существует соблазн несколько драматизировать иранскую ситуацию для сохранения объемов финансирования — но нет, сдержанность в оценках остается, что наводит на мысль о достигнутом в отношении Ирана консенсусе между Белым Домом, Пентагоном и разведывательным сообществом. Суть консенсуса представляется следующей. Во-первых, еще в период «Ормузского кризиса» (декабрь 2011 года) стало очевидным, что США отказались от силового варианта решения «иранского вопроса», а заявления, в которых утверждается обратное — не более чем психологическое давление на Тегеран и международное сообщество.

Во-вторых, для решения своей стратегической задачи в отношении Ирана Белый дом избрал тактику «калечащих санкций» и «разложения режима изнутри» через формирование пятой колонны в политической элите Ирана и единого фронта оппозиции нынешнему иранскому руководству во всех слоях общества, в расчете на кардинальное изменение политики Тегерана после президентских выборов в нынешнем году.

В-третьих, еще год назад тогдашний глава Пентагона четко и недвусмысленно дал понять всем союзникам США в регионе (и Израилю, и Саудовской Аравии), что любые военные акции против Ирана возможны только с одобрения и согласия США. Никакой самодеятельности, все вопросы и военные планы только через USSTRATCOM в Оффуте, штат Небраска. Панетта был объявлен чуть ли не врагом Израиля, но линию в иранском вопросе, сформированную Белым домом, выдержал до конца. Столь же твердо отстаивает эти позиции и нынешний министр обороны, Чак Хейгел, даром что республиканец.

Итак, вопрос о военной акции США в отношении Ирана в ближайшее время не стоит, а вопрос об иранской ядерной угрозе Вашингтоном всерьез не рассматривается. Что остается Израилю в виду этакой индифферентности США?

Израильские «ястребы»: в поисках ускользающего «сердечного согласия»

Приход Обамы в Белый дом совпал с изменением взглядов американской политической элиты на значимость Израиля для США. Это не было неожиданным озарением, скорее речь шла о преодолении инерции политического мышления, переосмыслении сложившегося порядка вещей. В период холодной войны США-СССР стратегическое партнерство с Израилем было для Вашингтона очевидно-необходимым. После Кэмп-Дэвида и после распада СССР роль Израиля в ближневосточной стратегии США начала снижаться. А после того, как Израиль и произраильское лобби в самих Штатах

⁴ Intelligence Budget Data http://www.fas.org/irp/budget/index.html

сделали все возможное, чтобы вторжение в Ирак (2003 год) состоялось, американские аналитики заговорили в том духе, что «с таким союзником — и врагов не надо». Разумеется, в подобных утверждениях есть немалая доля лукавства, но американская политическая элита склоняется к тому, чтобы признать операцию «Иракская свобода» Буша-младшего политической ошибкой. Следовательно — подталкивавшие к этой ошибке тоже автоматически зачисляются в разряд виновных.

В реализуемой сейчас концепции «Большого Ближнего Востока» роль Израиля как стратегического партнера США вообще просматривается с трудом. Конечно, вывод о том, что «государство Израиль исчезнет к 2020 (или к 2025) году» — глубоко ошибочен, Израиль исчезнет только вместе с США, но все дело в том, что это будет уже другой Израиль. Поддерживаемый США не как стратегический партнер и основной «кукловод» в регионе, а как остров западной демократии, западного общества, западных ценностей, «кусочек сердца Америки на Ближнем Востоке».

Разумеется, такая роль политическую элиту Израиля не устраивает. Раздувание «иранской угрозы» — это как раз избранный ею путь для того, чтобы доказать свою значимость для Вашингтона, сохранить статус стратегического партнера. Для Нетаньяху и тех кругов, чьи интересы он выражает, «повязать» Белый дом соучастием в борьбе с Ираном означает залогом и партнерства, и дальнейших финансовых вливаний в государство Израиль, и «гарантий безопасности» для нынешнего режима Тель-Авива.

Но здесь между воинственными заявлениями и готовностью к военной акции — дистанция огромного размера. Биби истерит, обещает войну, кричит об иранской бомбе — но это всего лишь поза, реализация тактики «держать всех в постоянном напряжении».

В полном соответствии с тактикой «запугивания», израильская сторона регулярно вбрасывала, вбрасывает и будет вбрасывать информацию о готовящихся военных действиях с Ираном. Цель очевидна — создавать дымовую завесу вокруг истинных планов Израиля и США в отношении Ирана. Последний из таких вбросов, «Секретный план войны с Ираном», о котором писал Роберт Сильверстейн⁵, был завораживающе красив и масштабен, но более напоминал роман Тома Клэнси, чем документ военного командования.

Столь же демонстративны, сколь и далеки от реальных военных приготовлений, и перестановки в руководстве Израиля. Сокращение «внутреннего кабинета», известного как комитет министров по вопросам безопасности Израиля (HaKabinet HaMedini-Bithoni), о чем было объявлено 19 марта, навряд ли сильно приблизило израильское руководство к принятию решения о нанесении военного удара по Ирану. Если Яалон, Эрдан и Ааронович безусловно поддерживают агрессивность Нетаньяху в иранском вопросе, то позиции Лапида и Ливни куда как сдержаннее, а окончательное мнение Нафтали Беннета в отношении Ирана еще не сформировано.

Плюс к этому — устойчивое неприятие военных методов в отношении Ирана со стороны вооруженных сил и разведывательного сообщества Израиля.

⁵ Netanyahu's Secret War Plan: Leaked Document Outlines Israel's "Shock and Awe" Plan to Attack Iran http://www.globalresearch.ca/netanyahu-s-secret-war-plan-leaked-document-outlines-israel-s-shock-and-awe-plan-to-attack-iran

Разведчики и армейские профессионалы прекрасно понимают, что прямое столкновение с Исламской Республикой в нынешних условиях обернется для Израиля эпической катастрофой

Разведчики и армейские профессионалы прекрасно понимают, что прямое столкновение с Исламской Республикой в нынешних условиях обернется для Израиля эпической катастрофой. В этих кругах прекрасно осознают, что сегодня гораздо большую опасность, чем мифическая ядерная бомба Ирана, для Тель-Авива представляют вещи вполне реальные и конкретные: возникающий буквально на наших глазах блок «аль-Каиды» с ХАМАС'ом, превращение граничащих с Израилем сирийских районов в «дикие земли» и новый виток конфликта в Южном Ливане...

Значит, перед нами действительно чудо, и на Святой Земле ангел кротости вещал устами Барри, а Биби излечился от иранофобии?

Carthago delenda est или чего ждать Ирану

В репортажах о визите Обамы в Израиль многозначительно прозвучало, что руководители двух стран согласились с подходом «хороший полицейский, плохой полицейский» в отношении Ирана⁶. Одного этого достаточно, чтобы понять, что кроткий ангел-миротворец через «железный купол» не проник. Перед нами был разыгран спектакль, нас попытались уверить в том, что прямой военной агрессии против Ирана не будет. А кто в этом сомневался? Невозможность прямых военных действий против Исламской Республики США и Израиля в нынешних условиях совершенно очевидна. Но столь же очевидно и другое: в том, что нынешний режим в Тегеране должен быть свергнут — никаких противоречий между Вашингтоном и Тель-Авивом нет.

Противоречия здесь носят лишь тактический характер и связаны со своеобразным «разделением труда» между американцами и израильтянами в необъявленной войне против Ирана, которая не прекращается ни на один день. США в этом тандеме взяли на себя роль старшего партнера, который решает задачи стратегического уровня: добивается расширения режима «калечащих санкций», работает над вовлечением в этот режим максимально возможного количества стран, обеспечивает контроль за соблюдением режима и финансово-правовое наказание несогласных; формирует послушное большинство в ООН, координирует и направляет деятельность МАГАТЭ, поддерживает нужный тонус антииранской истерии в медиа...

Некая «благопристойность» этой деятельности не должна вводить в заблуждение. В случае необходимости тонкая шкурка благопристойности слазит, уступая место кондовому «цель оправдывает средства». И тогда происходит исключение из списка террористических организаций «Моджахедов иранского народа» и размораживание их счетов (им еще идти в авангарде пятой колонны борцов за демократию в Иране). И тогда подставные фирмы, созданные спецслужбами, поставляют в Иран партии компьютеров с вредоносной начинкой (в кибервойне важно ударит первым). И тогда американ-

⁶ Obama, Netanyahu agree on preventing nuclear-armed Iran http://edition.cnn.com/2013/03/20/politics/israel-obama-visit

ские дроны начинают совершать облет иранской территории в разведцелях, а в странах, куда иранцы выезжают на отдых появляются «тихие американцы», вербующие агентуру. Так в понимании Обамы выглядит «хороший полицейский».

«Плохой полицейский» еще более отвязан в собственных действиях. В рамках реализации «стратегии Дагана» израильские спецслужбы с конца минувшего года приступили к формированию групп специального назначения, задача которых — с помощью местной агентуры осуществлять акты саботажа, диверсий и террора на иранских объектах и предприятиях, связанных с ядерной программой и производством ракетной техники. Нечто подобное создавалось на базе подразделения «Кидон» и раньше, но теперь подготовка таких специалистов приобретает более масштабный характер.

Вновь активизируется работа с национальными меньшинствами, вновь предпринимаются попытки возродить деятельность таких формирований как PJAK, Джундалла, аль-Ахваз, создать конфликт между суннитами и шиитами...

Словом, никаких чудес. Объятия Биби и Барри обернутся для Исламской Республики только одним — эскалацией необъявленной войны. Не сказать, что Иран рад этому, но то, что Исламская Республика готова к такому развитию событий, факт бесспорный.

Станислав Тарасов

Удастся ли Алиеву вступить в союз с Ираном

акинские СМИ сообщили, что в ближайшее время по приглашению президента Ирана Махмуда Ахмадинежада президент Азербайджана Ильхам Алиев может посетить Иран.

Этот визит важен для двух сторон по разным причинам. Азербайджан разочарован Западом из-за нерешенности карабахского конфликта, активизацией процесса турецко-ар-

мянского сближения, тем, что начинает трещать его альянс с Турцией. Но и на иранском направлении немало завалов. Тегеран не скрывает, что его международная изоляция и различного рода санкции под предлогом осуществления ядерной программы не только тормозят социально-экономическое развитие страны, но и способствуют формированию в регионе альянса в составе Грузии, Азербайджана и Турции, созданию транспортно-энергетического коридора между Каспием и Восточной Европой в обход Ирана. В итоге Турция выдвинулась на роль регионального лидера, что серьезно бьет и по геополитическим амбициям Ирана, испытывающего до сих пор пресс исторических войн между Персидской и Османской империями. К тому же, как считают многие эксперты, дистанцирование Азербайджана от России при сохранении напряженных отношений с Ираном может привести Азербайджан к ситуации, при которой он станет «неудобным» сразу для двух важных игроков в регионе.

Летом в Иране, а осенью в Азербайджане, должны состояться президентские выборы. Азербайджан и Иран являются такими странами, взаимоотношения которых прямо влияют на стабильность внутренней ситуации. По некоторым данным, в Иране численность этнических азербайджанцев составляет более 15 млн человек, ряд влиятельных представителей шиитского духовенства и масса иранских чиновников являются этническими азербайджанцами, включая Верховного руководителя аятоллу Али Хаменеи. Поэтому особую настороженность у Тегерана вызывает ввод в «игру» проекта «Большой Азербайджан», когда открыто звучат адресованные иранским азербайджанцам призывы к независимости, то есть к расколу Ирана по этническому принципу. Причем этот проект поддерживают США. В прошлом году несколько конгрессменов США призвали Белый дом разработать стратегию использования фактора иранских азербайджанцев в борьбе с те-

ократическим режимом в Иране. Один из авторов этого обращения конгрессмен Дана Рорабахер уже побывал с визитом в Азербайджане. В то же время, как заявил посол Ирана в Армении Мохаммад Реиси, «маленькая страна не может присоединить к себе большую. Население иранской провинции Восточный Азербайджан больше населения всего Азербайджана». Но объединиться могут.

Так что проект «Большого Азербайджана» — меч с двумя острыми концами. Результаты перехода борьбы между теократическим Тегераном и светским Баку в фазу поисков соглашений могут быть самыми неожиданным. Иран способен сыграть в предложенную партию с целью вовлечения Азербайджана в орбиту своего влияния. В то же время и Азербайджан накануне президентских выборов получает возможность обозначить «большую национальную цель» — выход на проект конфедеративного обустройства двух исторически очень близких стран, оттесняя на второй пан болезненную проблему карабахского урегулирования. Кстати, в этот проект вписывается и циркулирующая в Азербайджане идея о переносе столицы республики в Гянджу — второй по площади и третий по населению город в Азербайджане. Важно и то, что активизировались азербайджано-иранские переговоры о создании приграничных свободных экономических зон.

Если стороны действительно найдут точки соприкосновения интересов, политический диалог между ними может серьезно повлиять на ход событий в регионе: Азербайджан получит возможность для «выхода» на Армению через Иран, который выразил готовность предложить себя в качестве посредника в карабахском урегулировании, минуя Минскую группу ОБСЕ. На наш взгляд, Иран не случайно, несмотря на официальное признание территориальной целостности Азербайджана, оказывает негласную поддержку Нагорного Карабаху и держит на «запасном пути» свои отношения с Россией.

Более того, для Азербайджана откроется и другой «коридор возможностей»: выступить вместо Турции в роли одного из ведущих посредников в диалоге Иран-Запад по ядерной программе. Тем более что официальные лица в Баку заявляют о праве Ирана на использование атомной энергии в мирных целях. Так что факт консультаций Ирана с Азербайджаном по ситуации вокруг ядерной программы Ирана демонстрирует желание Тегерана вовлечь в «большую игру» и Баку. В свою очередь он, через иранский фактор Азербайджан получит возможность оказывать давление и на Запад, используя потенциал новых открывающихся геополитических перспектив.

Но это — в теории. На практике в ходе одного визита президенту Азербайджана Ильхаму Алиеву в Иран вряд ли удастся решить накопившиеся проблемы во взаимоотношениях между двумя странами. Но определить новый вектор направления в двусторонних отношениях вполне возможно. Если, конечно, этому никто не помешает. Посол Ирана в Баку Мохсен Пакайеин уже заявил, что «сионистские израильские СМИ пытаются подорвать ирано-азербайджанские отношения, предумышленно преувеличивая азербайджанские связи с "оккупационным режимом в Иерусалиме"...» При этом он охарактеризовал ирано-азербайджанские отношения «в настоящем как лучшие, чем когда-либо в предыдущие годы».

Редакция приглашает к сотрудничеству политиков, экспертов и читателей, которые разделяют цели и задачи журнала и полагают, что их материалы могли бы внести вклад в формирование у российской и зарубежной аудитории объективного, реалистичного представления о современном Иране, его внутренней и внешней политике.

Более подробно об условиях сотрудничества смотрите на сайте журнала www.siran.ru. Ждем Ваших авторских статей по адресу info@siran.ru

